

Анна Гедымин

Нечаянная проза

Художник Софья Смолина

Издательские решения

По лицензии Ridero

2017

УДК 82-3
ББК 84-4
Г28

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Гедымин Анна

Г28

Нечаянная проза : Художник Софья Смолина / Анна Гедымин. —
[б. м.] : Издательские решения, 2017. — 102 с. — ISBN 978-5-4485-
1615-3

В книгу включены мягко-ироничные новеллы и полная юмора повесть о детстве известной московской поэтессы Анны Гедымин. Автор относится к своей прозе как к чему-то невероятному, неожиданному, но оттого особенно любимому. А давний почитатель стихов Анны Гедымин, писатель, литературовед, профессор Института журналистики и литературного творчества Алексей Бархатов, разобравшись в истоках прозы поэтессы, находит этот жанр вполне для нее логичным.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4485-1615-3

© Анна Гедымин, 2017
© Софья Смолина, иллюстрации, 2017
© Андрей Тарасов, фотографии, 2017

Вторая муза

(предисловие автора)

Я очень люблю свою прозу. Не в том смысле, что считаю гениальной и умиляюсь собственной неподражаемостью, нет! Люблю — как незаконное дитя, как нечто запретное, тайное, но, вопреки всему, свершившееся.

Тут, видимо, надо объясниться. Природа создала меня человеком, который думает стихами. Именно они звучат в голове по ночам, с ними я просыпаюсь, слоняюсь по улицам, с их помощью осмысливаю счастливые и трагические моменты жизни. Но стихи — это явный Божий дар. Они появляются ниоткуда, сваливаются на тебя внезапно и неотвратно. Как дождь, как любовь. Они не требуют специальных усилий. То есть нет, они довольно многого требуют: чтобы их всегда ждали, были готовы к встрече, чтобы голова не оказалась занята суетливыми мыслями, а уши — назойливым шумом... Но это все равно не труд и не какое-то специальное усилие. Это ожидание подарка. А сами стихи — и есть подарок, вымечтанный, вымоленный.

Проза — совсем другое. Во-первых, без нее вполне можно жить. Во-вторых, она вовсе не сваливается на тебя с неба. Проза — это уже труд. Но труд — упоительный и любимый.

Я долго не решалась к ней подступиться. Боялась. Как я найду единственно подходящее слово? Интонацию? Ритм? Каково мне будет без рифмы?

Помогла моя основная профессия – журналистика. Именно ей я обязана преодолением страха перед прозаическим текстом, пониманием, что и в нем есть свой звук, своя внутренняя гармония и напряжение.

Сначала из забавных воспоминаний о детстве как-то сама собой сложилась повесть «Я, Чижик, торжественно обещаю...» Это произошло, когда мне было уже почти 30. И потом сразу появился первый рассказ – «Свет погас». Причем писала я его во многом как стихи: думала, идя по улице, обкатывала в уме каждое предложение. Останавливалась. Бормотала. Записывала, лоя на себе недоуменные взгляды. Шла дальше, продолжая перебирать варианты. Бесконечно повторяла текст про себя с самого начала – благодаря такому странному «методу» я помню все свои рассказы наизусть. Во всяком случае, несколько лет после написания.

Дальше лет пять не было никакой прозы. А потом, вдруг, родилось сразу несколько рассказов. И снова – три года перерыва... Кстати, со временем все мои рассказы оказались опубликованными в самых разных журналах, сборниках, газетах (в том числе в родном «Московском комсомольце»), но больше всего – в журнале «Дружба народов». И я очень благодарна этому уважаемому изданию, особенно редактору Ирине Яковлевне Дорониной, что

она одной из первых обратила внимание на мою (любимую) прозу.

К счастью, стихи не ревнуют меня к эпизодически появляющимся рассказам, не перестают сочиняться, иной раз даже одновременно с очередным прозаическим опусом. То есть смены жанров не произошло: стихи — это по-прежнему главное, дар Божий, а рассказы — это моменты счастливого и какого-то полузаконного труда. Когда есть время и возможность сесть за стол и записать то, что насочинялось во время прогулки по парку, а то и просто по пути в магазин.

Совсем недавно я попробовала читать рассказы на своих поэтических вечерах, для разрядки. И у них неожиданно появились поклонники. Собственно, по их просьбе я и собрала эту книжку. А собрав, обратилась к человеку, писателю, литературоведу, которому верю и к мнению которого всегда прислушиваюсь, — к Алексею Бархатову. Его глубокие и очень добрые размышления о моих стихах и прозе завершают эту книгу.

В нее вошло практически всё, что у меня написано в прозе. Я и сама иногда люблю перечитывать свои рассказы — в них много смешного, хотя нередко это смех сквозь слезы. Но и слезы здесь — светлы. «Печаль моя светла». Да, пусть эта пушкинская фраза станет эпиграфом к книжке моей нечаянной прозы.

Печаль моя светла...

Пушкин

Я, Чижик, торжественно обещаю...

Повесть о детстве

Глава 1. О том, как полезно иногда начинать новую жизнь

Не знаю, приходилось ли тебе когда-нибудь начинать новую жизнь. Мне приходилось, сто раз. Бывало, лежишь вечером в кровати и думаешь: все, с завтрашнего дня начинаю новую жизнь: научусь сама плести косы, буду делать зарядку, обтираться холодной водой. Или: начинаю новую жизнь, буду просыпаться на час раньше и до завтрака читать книжку.

Но иногда новая жизнь начинается сама, хочешь ты этого или не хочешь. Например, если переезжаешь жить на новое место.

Мне уже исполнилось шесть лет, когда наша семья получила отдельную квартиру. И поначалу меня это совсем не обрадовало. Почему? Да потому что ничего более интересного, чем наш старый арбатский дом, я тогда еще не видела. Представь себе огромную коммунальную квартиру с множеством соседей, комнат, закутков, с черным ходом. Холодными вечерами папа топил печку: за маленькой тяжелой дверкой, похожей на вход в крепость гномов, разгорался яркий огонек — сначала неуверенно, и вдруг сильно, с гудением. Белая кафельная стенка над дверкой становилась горячей и потом долго хранила тепло.

Много увлекательного было и у соседей: у одних — гигантский, во всю стену, аквариум, в котором медленно плавали большие рыбки и маленькие черепашки;

у других – пружинная кровать под зеленым покрывалом, на которой мне иногда разрешали прыгать.

А однажды мама с папой подарили мне живую птицу со строгой мордочкой и желтой грудкой – синицу. Я ее сразу полюбила и назвала Карлушей. Но как раз в это же время соседи завели здоровенного рыжего кота. Так его и звали – Рыжий. Думали, что он станет охотиться на мышей, которых в нашем деревянном доме было множество. Но Рыжий предпочел охотиться на Карлушу.

Целыми днями кот просиживал у двери в нашу комнату. И когда ему удавалось проникнуть за дверь, он стремительно влезал на мой трехколесный велосипед и с него как раз доставал до птичьей клетки. Вцепившись тремя лапами в сидение велосипеда, одну лапу Рыжий по локоть запускал между металлическими прутьями и так застывал, изредка пошевеливая пальцами с когтями. Карлуша, вереща, отскакивал к противоположной стенке своего жилища и тоже замирал. Так они и тарасились друг на друга, время от времени издавая тревожные вопли, пока кто-нибудь не вытаскивал сопротивляющегося Рыжего за шиворот из комнаты.

Но эта война продолжалась недолго, вскоре бедный Карлуша начал хиреть. Как нам объяснил мой дядя, бывший лесник, – от обжорства. Оказывается, птицу, живущую в клетке, надо кормить умеренно, по расписанию. А я давала Карлуше столько зернышек, сколько он съест. Да еще радовалась его отличному аппетиту.

И тогда мама, папа и я решили отпустить нашего пернатого друга на волю и больше никогда не держать птиц в клетке. Птицы должны жить свободно, летать где хотят, и тогда все у них будет в порядке.

А Рыжий так привык бывать в нашей комнате, что продолжал забегать и без Карлуши. Ворвется, опрومتью заберется по шторе под самый потолок и отдыхает, дремлет. Вообще красивый был кот, все жильцы большой квартиры его баловали, подкармливали чем-нибудь вкусненьким. Поэтому ни одно мышки он так и не поймал.

И вот все это кончилось. Новая квартира показалась голой, очень светлой и чужой. Никаких соседей, никаких таинственных закоулков. Даже мышей нет. Конечно, хорошо, что последний этаж, — далеко видно, можно различить на горизонте тоненькую иголочку Останкинской башни. Но все равно грустно.

Мама не разделяла моих печальных настроений. Она целыми днями убиралась в квартирке, украшала ее, радостно напевала.

— Пойди, погуляй до обеда, — весело сказала мама. — Смотри, какое солнышко!

Я понуро вышла во двор. Справедливости ради, надо сказать, что двор здесь был хороший, большой, с качелями, каруселями, песочницей, ярко раскрашенным домиком под дощатой крышей и деревянной горкой.

Вслед за мной из подъезда выбежала худенькая юркая девочка с хитрыми глазками.

– Ты новенькая? – сразу спросила она. – Из двадцатой квартиры? А меня зовут Ира. Тебе сколько лет?

– Шесть, – ответила я. Ира мне не нравилась.

– Врешь. Мне пять, а я тебя выше.

– Не вру.

– Нет врешь!

– Не вру! Я скоро в школу пойду!

Но Ира уже не слушала, она на разные голоса повторяла: «Вру-шка! Вру-шка!»

Я повернулась и бросилась обратно домой. Новая жизнь оказалась явно хуже прежней, и от этого в горле першило, на глаза наворачивались слезы. Но, поднимаясь по лестнице на пятый этаж, я успела немного успокоиться. Что же делать, надо как-то жить дальше. Конечно, ни о какой дружбе с крикливой Ирой речи быть не могло. Ну и ладно, буду гулять с Яшей.

Яша – моя гордость, моя плюшевая обезьяна с розовым личиком и длинным гнущимся хвостом. Папа говорит, что Яша точь-в-точь похож на живую мартышку.

Я посадила Яшу в кукольную коляску и снова вышла во двор. За время моего отсутствия неприятная Ира успела куда-то исчезнуть. А навстречу мне шла удивительная девочка, от изумления я даже забыла грустить! Начнем с того, что одной рукой эта девочка толкала перед собой кукольную коляску с плюшевой обезьяной! Правда, обезьяна, при ближайшем рассмотрении, оказалась много хуже Яши – какая-то толстая и совсем без

хвоста. Но все равно, согласитесь, удивительное совпадение! И это еще не все! Девочка была приблизительно моего роста и моего возраста, одета, как и я, в яркую футболку и коротенькие шорты. Вообще она так походила на меня, что я бы не поверила своим глазам, если бы она не была беленькой-беленькой — с короткими льняными волосами и светло-серыми глазами. Я подумала о своих темных косичках и карих глазах и облегченно вздохнула.

— Тебя как зовут? — серьезно спросила беленькая девочка.

— Аня. А тебя?

— А меня Ира. Давай дружить.

Честно говоря, мне показалось странным, что всех девочек в этом дворе зовут Ирами. Тем временем моя новая знакомая продолжала:

— Ирка из четырнадцатой квартиры сказала, чтобы я с тобой не водилась. Поэтому я и решила с тобой дружить. Ирка противная, ты не обращай на нее внимания.

— Ладно, — кивнула я. — Хочешь, я тебе покажу на деревьях почки, которые можно есть?

— Какие почки? — не поняла ира.

— Липовые. Почки «варежкой». Меня мой дядя научил. Он бывший лесник. Пойдем?

— Пойдем! — обрадовалась Ира.

И мы покатали своих обезьян к нескольким невысоким липам, растущим в углу двора.

Почки липы действительно съедобны. То есть, если человек умирает от голода и случайно оказывается в какой-нибудь липовой аллее, он спасен. Но если он не умирает от голода, а, наоборот, вот-вот собирается сытно пообедать, липовые почки лучше не есть. На вкус это нечто травянистое и склизковатое.

— Ну как? — настороженно спросила я, когда Ира, наклонив тоненькую ветку, отщипнула одну почку.

— Здорово! — последовал радостный ответ.

И тут я поняла, что нашла настоящую подругу. Может быть, даже на всю жизнь. Такая подруга не подведет, не струсит! Не разревется в самый неподходящий момент!

В это время над нашими головами звякнуло окно, и голос моей мамы позвал: «Аня! Обедать!» Секундой позже распахнулось соседнее окно: «Ира! Обедать!»

— Это моя бабушка, — пояснила Ира. — Слушай, Аня, а ведь мы соседки по лестничной площадке! Вот здорово!

— Будем ходить в гости!

Когда мы, пыхтя, дотащили своих обезьян и коляски до пятого этажа, моя подруга сказала:

— Приходи ко мне вечером. Я умею готовить морскую похлебку, которую едят все моряки на кораблях.

— Откуда ты знаешь?

— А у меня папа — капитан дальнего плавания, — небрежно ответила Ира.

— Да-а? — изумилась я. — И где он сейчас плавает?

– Сейчас нигде, сейчас он дома.

И, привычно повернувшись к двери своей квартиры спиной, Ира оглушительно постучала в дверь каблуком (как ты понимаешь, до звонка нам было еще не достать). Я последовала ее примеру, про себя думая сразу о двух вещах: во-первых, в какой удивительный дом я попала, и, во-вторых, как здорово иногда начинать новую жизнь.

Глава 2. О пользе морской похлебки

Папа у Иры действительно оказался капитаном. В коридоре на «плечиках» висел его китель, а из глубины квартиры раздавался явно капитанский голос, низкий и чуть-чуть недовольный.

Мы с Ирой уединились на кухне, и пока моя новая подруга шумно искала все необходимое для приготовления морской похлебки, я сидела на скользкой табуретке и размышляла. Очень уж мне тоже хотелось чем-то удивить Иру.

— А мой дядя — лесник, — наконец, придумала я.

— Так ведь бывший, — живо откликнулась Ира (оказывается, она все запомнила).

— А между прочим, — еще немного подумав, выпалила я, — ты меня на год младше, поэтому должна уважать!

Ира застыла от неожиданности, ее большие серые глаза начали быстро наполняться слезами. Радость моей победы была безнадежно омрачена: я очень не люблю, даже боюсь, когда кто-нибудь плачет. Но Ира была не из тех, кто сдается без боя. Мигом взяв себя в руки, она принялась за подсчеты и скоро уличила меня во лжи: я старше всего на полгода. А полгода — не считается.

— Но я в школу пойду в этом году, а ты в следующем, — защищалась я.

— Ну и что? — Ира опять что-то искала под столом, для чего ей пришлось встать на четвереньки. — А я за год стану юнгой и уйду в дальнее плаванье.

О том, что произошло дальше, мне рассказывать немного стыдно. Но обманывать не хочется. В общем, тогда мы впервые подрались. В результате чего выяснилось, что я сильнее, зато у моей подруги несравнимо более громкий голос. На ее рев сбежались все домашние: папа капитан – правда, не в форме, а в домашней куртке, мама и бабушка. К моему удивлению, поняв причину рева, они сразу успокоились, только мама строго сказала: «Ира! Ты ведь хозяйка! Драться негостеприимно!.. А зачем ты достала кастрюлю?» Узнав, что мы собираемся готовить морскую похлебку, с нас взяли слово, что мы не будем зажигать огонь на плите, – и взрослые ушли смотреть телевизор.

– Собственно, для приготовления морской похлебki огонь и не нужен, – проговорила Ира, все еще непроизвольно всхлипывая.

Она налила в кастрюлю воды из-под крана, крошила черного хлеба, кинула несколько маринованных грибочков из банки, круто все это посолила, поперчила и начала размешивать ложкой, приговаривая:

– Вот такую похлебку должен уметь готовить каждый юнга... По-моему, маловато соли... Пробуй!

– А тарелку?

– Ты что! На корабле не бывает тарелок. Там один котелок на всех.

– И ложка одна?

Оказалось – нет, ложка есть у каждого моряка, и ее

нужно беречь. Через минуту мы, каждая своей ложкой, уплетали настоящую морскую похлебку.

– Ну как? – строго спросила Ира. – Только честно!

И я честно сказала: «Здорово!» Знаешь, произошло что-то загадочное: конечно, похлебка получилась странная, жидкая и очень соленая. Но она казалась вкусной, потому что такую едят настоящие моряки, на настоящем корабле. Уж Ира-то знает.

– Ну вот, – торжественно сказала маленькая хозяйка, когда с морской похлебкой было покончено, – можешь считать, что первое испытание юнги мы прошли. Ведь ты хочешь тоже быть юнгой?

– Конечно, хочу! – обрадовалась я. – А что для этого нужно?

– Что? – Ира на секунду задумалась. – Ну, быть смелыми, закаленными, тренироваться все время. Не обманывать. Уметь готовить морскую похлебку, – ну, это мы умеем... Так что завтра пойдем прыгать с горки. И еще – надо тренироваться на качелях, кого дольше не укачает.

– Зачем?

– Как зачем? А если шторм?

В этот вечер я долго не могла уснуть – все думала, думала... А думала я о том, что у Иры папа – капитан. И я сразу стала ей завидовать. А почему? Вот мой папа – инженер. Но разве я согласилась бы поменяться с Ирой папами? Никогда в жизни! Мой папа – самый умный из всех людей, которых я встречала. И всегда

что-то интересное рассказывает. К тому же, папа научил меня плавать кролем. Да и вообще я его люблю и очень скучаю, когда он уезжает в командировку или на байдарке. Кстати, надо узнать, умеет ли Ира плавать кролем.

И маму свою я бы ни за что не променяла на капитана. Никто на свете не умеет создать такое праздничное настроение, как моя мама. Она даже посуду моет весело, и я люблю в это время вытирать вилки и ложки — чтобы мне тоже становилось весело. Руки немножко мерзнут от воды, и внутри становится как-то щекотно, и хочется смеяться.

А иногда мы втроем поем песни, и чаще других — колыбельную «Наступи-ил час ночью-ой...» Вообще у нас многие родственники любят петь. Когда я гощу у бабушки с дедушкой, первым по утрам просыпается дедушка — ему рано на работу. Дедушка начинает готовить завтрак и одновременно — петь. И это очень смешно, поскольку у него абсолютно нет музыкального слуха, и все мелодии получаются странными, неправильными. Дедушка это знает, но ничуть не стесняется, потому что любит петь и ничего не может с собой поделаться. И мы с хохотом просыпаемся и с хохотом бежим на кухню — я и Кира, моя двоюродная сестра.

Нет, никого из родственников мне бы не хотелось поменять на капитана. А значит, не в капитанстве дело, не в том, какая у человека должность.

С этими приятными, в общем-то, мыслями я уснула.

Глава 3. О птицах в нашей жизни

Однажды по пути в школу со мной произошло чудо. Дело было так.

Ира все еще ходила в детский сад, и я направлялась к школе в одиночестве. А чтобы не тратить время зря, тихонько насвистывала. Свистеть научил меня папа, но громко у меня пока не получалось. А поскольку я считала, что каждый юнга должен уметь издавать оглушительный свист, я решила развить в себе эту способность.

Ну вот, иду, насвистываю и вдруг слышу, что кто-то меня как бы передразнивает. Оглядываюсь — никого. Опять начинаю свистеть. И тут понимаю, что вторит мне птица! Синица! — это я сразу поняла, когда ее разглядела: она была в точности похожа на Карлушу. Я остановилась и прекратила свистеть — и синица замолчала. Я засвистела — и она ответила тем же. Я сделала несколько шагов по тропинке — и синица перелетела с одного дерева на другое, чтобы не отстать. Вот это да! Так синица проводила меня до самой школы.

Весь первый урок я была сама не своя, обдумывала произошедшее. Мне даже показалось, что это и есть Карлуша — узнал, где я живу, и решил проведать.

На следующее утро я вышла на улицу с замиранием сердца. А вдруг синица больше не появится? Я посвистела — и тут же услышала ответ! И увидела желтенькую птичку. Так повторялось каждое утро. Я поставила несколько экспериментов и убедилась в следующем:

1. На имя Карлуша птица не откликается, так что, видимо, это не он.

2. Днем отыскать мою синицу не удастся, она появляется только в определенное время – утром.

Когда я рассказала о своей синице в школе, мне никто не поверил. А учительница Ида Ефимовна строго сказала: «Аня, это прекрасно, что у тебя так хорошо работает фантазия. Но человек должен уметь отличать выдумку от реальности».

В общем, я расстроилась. И больше всего меня беспокоило вот что: а вдруг Ира тоже мне не поверит? Не скрою, иногда мне действительно доводилось кое-что придумывать – просто так, чтобы было интереснее. Например, недавно я сказала, что съела в парке десять порций мороженого, и потом у меня целый час изо рта шел пар. Ира мне, конечно, не поверила. И я совершенно не обиделась, – это не очень обидно, когда не верят всяким пустяковым выдумкам. Но когда не верят правде – это уже серьезно. Настоящий друг не может не поверить правде! Иначе какой же он друг?

Вечером этого же дня я зашла к Ире и тайно, на кухне, рассказала о моей синице. Знаешь, я напрасно беспокоилась – Ира ни на секунду не усомнилась в моих словах! У меня просто гора с плеч упала. Даже несмотря на то, что Ира проявила к синице очень мало интереса – сразу перевела разговор на другую тему (о том, что хорошо бы сходить в воскресенье на ипподром покататься на лошадях).

А вскоре моя дружба с синицей оборвалась. После зимних каникул птица уже не появлялась. Наверное, она прилетала к дому по утрам, ждала, а меня все не было. Вот она и обиделась. Или просто перелетела жить в какой-нибудь другой двор. Я, конечно, погрузила, но недолго. Может быть, в другом месте моей синице больше понравилось...

Вообще в нашей жизни птиц всегда было немало. Как-то раз мы с Ирой даже спасли жизнь воробью. Кошка уже держала его в зубах, когда мы на нее набросились. Убежать ей не удалось – Ира ловко схватила ее за хвост. Кошке не оставалось ничего другого, как выпустить свою жертву. Воробышек упал на землю точно мертвый, он был весь потрепан и истерзан. Но сердечко у него часто-часто билось. И мы решили его выходить.

Прибежав ко мне домой, мы промыли ранки на теле птички и перевязали их бинтиками.

– По-моему, у него сломана лапа, – задумчиво сказала Ира.

– Какая? – спросила я.

– Вон та. Нет, пожалуй, вот эта.

Недолго думая, мы наложили повязку еще и на лапку. Воробей слабо сопротивлялся, но он просто не понимал, что мы делаем как лучше. Забинтованную птичку мы поместили в коробку с ватой, накрошили хлеба, крупы, налили воды в кукольную чашку и поставили коробку на подоконник, к солнечному свету.

– Не забывай почаще проветривать, – уходя обедать, наставляла меня Ира. Я приоткрыла окно.

День был выходной, за столом собралась вся наша семья: мама, папа и я. Я то и дело подбегала к коробке и смотрела, обедает ли воробей. Но нет, он только поглядывал на меня и не шевелился.

– Оставь его в покое, – посоветовала мама. – Он должен привыкнуть к новому месту.

Мы отвлеклись от нашего больного – кажется, по телевизору показывали мультяшки. Особенно я отвлеклась. И в этом была роковая ошибка.

– Воробей улетел! – вдруг закричала мама.

Я бросилась к коробке – но поздно. Ты представляешь, он выпорхнул в открытое окно! На нем некрасиво мотались наши бинты и кусочки ваты, а в коробке, в луже расплескавшейся воды, осталось несколько перышек...

Я не выдержала и заплакала. Хотя юнги и не должны плакать.

– Да что ты, глупенькая! – улыбнулась мама и погладила меня по голове. – Радоваться надо! Значит, вы его вылечили, он выздоровел!

То же самое моя мама сказала Ире, когда та с горсткой семечек пришла проведать больного.

– А разве можно так быстро выздороветь? – с сомнением спросила Ира.

– Воробей маленький, у него все происходит быстрее, чем у людей, – ответила мама. И поспешно добави-

ла: — А вот человеку, когда он заболел, надо не меньше пяти дней посидеть дома.

Это мама намекала на меня и мое заболевшее горло. На следующий день пришел врач и тоже велел мне сидеть дома и хотя бы три дня не видаться с Ирой, чтобы не заразить.

Надо сказать, три дня я провела с пользой: прочитала замечательную книжку о девочке Пеппи Длинный-чулок. Эта девочка обладала необыкновенной силой — могла запросто поднять лошадь! И, кстати, у нее были две косички, как у меня. Так что зря Ира посмеивается над моими косичками и говорит, что юнги косичек не носят. Зато по праздникам мне не завязывают на макушке огромный бант, как некоторым. Разве юнги бывают с бантами на макушке?

Во время болезни Иру ко мне не пускали. Но она несколько раз в день передавала мне через родителей то яблоко, то красивую почтовую марку, то значок с изображением якоря. И вот, наконец, дело пошло на поправку. Смеркалось, книжка про Пеппи была дочитана, горло уже не болело. Я заскучала. И тут забежала Ира. Взглянув на ее лукавую физиономию, я сразу поняла: что-то произошло.

— Аня, — затараторила Ира, — меня сейчас тащат в гости. Но — знаешь, во всех газетах написано, что из зоопарка улетел редкий заокеанский голубь коричневого цвета. Ты газеты не читаешь?

– Нет, не читаю, – призналась я. – А что?

– Ничего, просто голубь улетел. И за его поимку объявлено вознаграждение.

– Ира, за тобой мама пришла, – заглянув в комнату, сказал мой папа. На пороге тут же появилась Ирина мама:

– Ира, скорее, ты еще не одета. Аня, как ты себя чувствуешь? Поправляешься? Ира тебе уже рассказала, что к нам голубь залетел?

– Мам, ну пойдём! – взмолилась Ира, предательски заливаясь румянцем.

– Коричневый голубь? – заинтересовалась я.

– Да, коричневый, – уже из прихожей отозвалась Ирина мама.

Когда за ними захлопнулась входная дверь, я спросила у папы, не видел ли он объявления о заокеанском голубе, улетевшем из зоопарка. Мой папа читает множество газет и помнит все, что в них написано. Но про заокеанского голубя он слышал впервые.

Ты, конечно, уже догадался, читатель, что про газеты Ира сочинила. Я сначала собиралась устроить ей за это взбучку, но потом передумала. А то вдруг Ира перестала бы фантазировать – как скучно было бы с ней дружить!

Что касается коричневого голубя – правда, никакого не заокеанского, а самого обыкновенного, – то он действительно существовал. Мы несколько дней пытались его приучить, но голубь дрессировке не поддавался

и только закапал всю Ирину квартиру белым пометом. После чего, по настоянию папы капитана, был выдворен на волю.

Глава 4. О том, как Чижики учились летать

Теперь, когда ты многое о нас знаешь, пришло время посвятить тебя в нашу главную тайну — тайну Чижиков. Чижик — это прозвище. Прозвища бывают разные: и добрые, и злые, и обыкновенные. Например, когда мальчика по фамилии Кузнецов зовут Кузей — это обыкновенное, очень распространенное прозвище, просто для краткости. Нашего школьного учителя по физкультуре Бориса Яковлевича для краткости прозвали Бяша. Но это уже не совсем обыкновенное прозвище, оно немножко передает характер человека (наш Бяша ужасно любил устраивать на уроках соревнования по прыжкам, особенно через «козла»). А вот пожилого учителя математики, любимца школы, прозвали необыкновенно: Поняли. Такое прозвище постороннему непонятно, здесь надо кое-что знать. Дело в том, что этот самый учитель математики имел привычку часто спрашивать во время объяснения нового материала: «Ну что, дети, по-оняли?» Или просто: «По-оняли?» Мы даже эксперименты ставили — сколько раз он повторит это слово за один урок. Рекорд был, если не ошибаюсь, 27 раз.

Но вернемся к Чижикам. Это совсем необыкновенное прозвище — что-то среднее между именем отважного индейца и конспиративной кличкой тайного агента. Такое прозвище должен знать очень узкий круг самых близких людей. Даже родственники могут быть не в курсе.

Короче говоря, в один звонкий и яркий весенний день мы с Ирой решили выдумать себе такие прозвища, которых бы никто, кроме нас двоих, не знал. Ни родители, ни одноклассники. И тут меня сразу осенило: Чижик! Думаю, это слово возникло неслучайно, ведь птицы, как ты знаешь, играли немалую роль в нашей жизни.

Ира охотно согласилась быть Чижиком. Но теперь ей предстояло самое сложное: придумать не менее точное прозвище для меня. Она несколько минут в раздумье походила вокруг меня, критически оглядывая, и вдруг твердо сказала:

— Я тоже буду звать тебя Чижик!

Я опешила:

— А как же мы будем друг друга различать?

— Очень просто: если я говорю «Чижик» — значит обращаюсь к тебе, а если ты — то ко мне. Ведь только мы вдвоем будем пользоваться этим прозвищем.

На том и порешили. И теперь ты знаешь, как на свете появились два Чижика.

С того исторического момента наша жизнь заметно изменилась. Общая тайна еще больше нас сблизила, мы почти совсем перестали ссориться. Правда, один повод для постоянных ссор все же остался. Я имею в виду рисование. Понимаешь, Ира прекрасно рисовала, особенно людей. У нее получались уморительные и очень похожие портреты знакомых, родственников. И собственные тоже. Это, конечно, хорошо, да только рисовала Чижик неправильно — начиная с ног. То есть

сначала на бумаге появлялись башмаки, потом остальная часть ног, а уж потом туловище, руки и голова. Я не могла терпеть в своей лучшей подруге такой изъян – ведь всем известно, что людей рисуют с головы! Этому даже в школе учат! Сначала я пыталась действовать убеждением, но Ира упрячилась, говорила, что ей наплевать на правила, раз у нее и так получается лучше всех. И тогда я стала применять силу.

Забегая вперед, скажу, что никаких результатов мои старания не дали: Чижик до сих пор прекрасно рисует, но, увы, до сих пор – начиная с ног. Так что если кто-то из твоих знакомых делает что-то не как положено – лучше не трать время на переубеждение, все равно ничего не добьешься.

Но ссоры из-за рисования – это исключение. А в целом наша дружба явно окрепла. И еще: не стань мы Чижиками, возможно, нам не пришло бы в голову научиться летать.

У кого первой возникла эта мысль, определить невозможно. Скорей всего, это случилось одновременно. Во всяком случае, минуту назад мы чинно шли по тропинке – и вдруг кинулись в разные стороны, и каждая выудила из травы голубиное перо. Потом мы одновременно закричали: «Чижик! Давай учиться летать!»

– Это я первая придумала! – капризно сказала Ира.

– Нет, я!

– Нет, я!

— Я! — я уже угрожающе наступала. Произошла короткая потасовка — одна из тех, что не помогают выяснить, кто прав, зато успокаивают. Я вцепилась в Ирино ухо, а она, извернувшись, укусила меня за руку. После этого мы, как ни в чем не бывало, принялись обсуждать план приготовлений к полету.

— Главное — набрать как можно больше перьев, — рассуждала Ира. — А потом мы склеим из них крылья.

И вот, начиная с этого дня, мы занялись активным сбором голубиных перьев. Оказалось, дело это нелегкое. Когда не надо, они везде валяются, а как только понадобились — пойди их поищи.

— По-моему, до сих пор еще никому не хватало терпения собрать достаточно перьев. Поэтому люди и не летают на птичьих крыльях, — ворчала Ира.

Тем не менее, медленно, но верно наши запасы пополнялись. Местом хранения перьев мы определили ящик с игрушками, стоящий под моей кроватью. Игрушки можно было потеснить, все-таки перья много места не занимают. Вдобавок в этом ящике я прятала сухари для будущего побега на корабль. Мы решили, что все самое ценное должно находиться в одном месте. Это очень упрощает ситуацию в случае пожара или другого стихийного бедствия: вместо того чтобы собирать ценности по всей квартире, хватаешь один ящик и бежишь с ним куда хочешь.

Мама с папой вскоре почувствовали неладное. Очевидно, когда я с полными карманами перьев и кусков

хлеба удалялась в свою комнату, мне не удавалось соблюдать безукоризненную конспирацию. А тут еще я, как бы невзначай, спросила: «Пап, а человек может взлететь на птичьих крыльях?» Папа ответил «нет», но увидев, что я вот-вот разревусь, уточнил: «Взлететь нет, а вот некоторое время парить может». Насколько я поняла, чтобы «парить», то есть висеть в воздухе, не падая, надо забраться на возвышение и прыгнуть с него, расставив крылья.

— А с балкона можно? — поинтересовалась я.

Почему-то этот невинный вопрос очень встревожил родителей. Они принялись выпытывать у меня, что я еще задумала, но тут уж я молчала как рыба. То есть как настоящий юнга.

А сбор перьев продолжался. Первое время мы с Ирой, закрывшись в комнате, часто доставали свое богатство, набирали полные руки перьев и изо всех сил махали. Однако, увы, ноги наши ни на сантиметр не отрывались от пола.

— Главное — не останавливаться и довести дело до конца! — философски замечала Ира.

И конец настал. Причем раньше, чем мы предполагали.

— Не могу понять, откуда у нас моль! — сказала однажды мама. — Вроде бы в одежде ее нет, а по квартире летает.

Гнездо моли, как ты, наверное, догадываешься, обнаружилось среди перьев. Когда их разворошили, к потол-

ку поднялось целое пыльное облако этих прожорливых насекомых. Перья оказались изрядно обглоданными, и их не имело смысла хранить дальше. Вместе с запасами перьев пришлось проститься и с сухарями – они все были в какой-то белесой трухе и для еды уже не годились. На расспросы родителей я сначала не отвечала, но, в конце концов, из меня все-таки «вытянули», для чего нам понадобились и сухари, и перья. Терять нечего, – рассудила я, – все равно наш долгий труд пошел насмарку.

По поводу крыльев мама с папой долго смеялись и посоветовали мне несколько лет подождать. Мол, скоро я начну изучать в школе физику и сама пойму, почему нельзя взлететь на птичьих крыльях. А к нашему с Чижиком намерению стать юнгами отнеслись серьезно.

– Только не надо сухарей! – взмолилась мама. – Когда вы задумаете уходить, лучше скажи нам, мы уж соберем вам еду. Мы же с тобой друзья, правда?

– Правда! Ну конечно, правда!

Ты знаешь, до этого дня я недооценивала своих родителей. А что касается физики, то она действительно утверждает, что человек не способен взлететь как птица. Но, с другой стороны, в мире довольно часто происходят чудеса, пока не объясненные наукой. Точные науки не могут даже выяснить механизм полтергейста или передачи мысли на расстояние. Или – как рождается дружба, почему от одной мелодии тебе весело, а от другой – грустно до слез. Ира со мной согласилась.

И мы решили немножко подождать, пока эта история забудется, а потом снова начать собирать голубиные перья.

Глава 5. О том, как Чижики вызвали северное сияние

– Не понимаю, как мои каждый раз узнают, что я ели мороженое, – задумчиво говорит Ира.

Мы как раз стоим с ней в очереди в мороженный киоск. Дело происходит в конце ноября, на улице серо и промозгло: не зима – не осень, не день – не вечер.

Вообще-то в холодное время года нам не разрешают есть мороженое на улице. А если учесть, что как будущие юнги мы не должны никого обманывать, то ситуация вообще приобретает неприятный оттенок. Но – лишь на первый взгляд. Поставив множество экспериментов, мы пришли к выводу, что зимой мороженое кажется совсем не таким холодным, как летом. Ведь летом оно намного холоднее воздуха, а зимой – даже теплее. Поэтому прежде чем запрещать есть зимой мороженое, нам должны были запретить дышать. Так мы с Ирой и сказали своим родителям. Но деньги на мороженое нам в холодные дни все равно не давали. Приходилось экономить на школьных завтраках (какой дурак променяет мороженое на школьный завтрак!). Правда, когда родители узнавали, что мы все-таки нарушили запрет, лично меня ждало несколько очень неприятных минут. Мама даже не ругала меня, а просто обижалась, и наша квартира уходила, как под воду, в ее тягучее, невыносимое молчание. Этого я особенно боялась.

Видимо, что-то подобное происходило в это время и в Ириной квартире. Поэтому, полакомившись зимой мороженым, мы особенно тщательно вытирали губы, руки, некоторое время нарочно дышали ртом, чтобы выветрился сладкий запах, — и все-таки, неизвестно как, домашние безошибочно определяли, что мы опять ели мороженое...

Но в тот унылый ноябрьский день отказать себе в единственной (как нам вдруг показалось) радости мы не могли. Сбережений хватило всего на одну порцию пломбира с вафлями, и добрая продавщица разрешила нам его огромным ножом пополам. На короткое время мы развеселились, но вот мороженое съедено — и на душе опять серо, как и во дворе. Попробовали было покачаться на качелях, но ветер сразу пронизал до костей. А ведь если мы простудимся, все подумают, что из-за мороженого. Так что от соревнования, кого дольше не укачает, на сегодня пришлось отказаться. Тем более что результат известен заранее: в этих соревнованиях всегда побеждаю я, меня вообще не укачивает. С горки покататься тоже не удалось — ее залили час назад, надо было подождать, пока она обледенеет.

В общем, теперь ты понимаешь, что день явно не удался. Почти не разговаривая и ежась — скорее от скуки, чем от холода, — мы вышли со двора и направились проведать небольшое озерко, чудом сохранившееся между домами. Летом мы ходили на него вместе с родителями кататься на лодках. Сейчас озеро было

пустынно и неподвижно, вода покрылась тоненьким слоем льда.

– Послушай, Чижик! – на минуту оживилась Ира. – А слабо тебе пройти по льду!

Я даже немного обиделась: ясно ведь, что этот лед меня не выдержит. С другой стороны, показывать, что я трушу, не хотелось.

А Ира продолжала:

– Ну что, боишься? Тоже мне, будущий юнга!

Представляешь, в какое положение я попала! Пройти по льду нельзя – наверняка провалюсь. И не пройти нельзя – Ира мне этого никогда не забудет, засмеет. Но я уже давно за собой замечала: в трудных ситуациях голова моя начинает работать с удесятеренной быстротой. Раз – и выход из положения найден:

– Знаешь, Чижик, – говорю небрежно, а Ира смотрит на меня во все глаза – ждет, что я выдумаю, – я могла бы пройти по льду. И провалиться я не боюсь, потому что будущий юнга не может быть трусом. Но – понимаешь, я не имею права рисковать своей жизнью из-за такой ерунды. Ведь тогда я не совершу по-настоящему героических поступков.

В Ириных глазах появляется восхищение, она явно не ожидала, что я так красиво выкручусь.

А тем временем совсем стемнело – в конце ноября дни короткие. Тучи на небе немного поредели, обнажая колючие звезды. Вдоль шоссе зажглись редкие фонари. Явно похолодало. Пора идти домой. Но как неприятно

расставаться, зная, что за день не случилось ничего удивительного! Ира, очевидно, размышляла о том же самом. Вдруг она на секунду замерла и – торжественно воскликнула: «Чижик! Спасайся! Северное сияние!» И бухнулась в сугроб. Я поспешила бухнуться в соседний. Мы ведь ничего толком не знали о северном сиянии. А из множества фантастических фильмов, которые довелось посмотреть, следовало, что от всего таинственного, неизведанного надо спасаться, прятаться.

Пролежав в снегу минуты три, мы начали замерзать.

– Ну что, пошли? – спросила Ира.

После случившегося только что ее вопрос прозвучал неприятно обыкновенно. Но – ничего не поделаешь. Отряхнувшись, мы поплелись домой.

Едва я переступила порог, мама всплеснула руками: «Опять ела мороженое!» Последовала обычная тягостная сцена. Правда, на этот раз я не выдержала и спросила, как мама догадалась о моем преступлении. Она молча подвела меня к зеркалу. Все оказалось проще, чем я думала: впопыхах я не достаточно тщательно вытерла лицо, пятнышко растаявшего пломбира осталось на лбу.

В общем, жизнь пошла своим чередом. Назавтра в школе я делала доклад по природоведению. А на физкультуре опять прыгали в длину. В длину я хорошо прыгаю, а в высоту – плохо, потому что маленького роста.

Но не успела я вернуться из школы, как в дверь постучали. Это была Ира.

– Чижик! – закричала она с порога. – Во всех газетах написано, что вчера в Москве было северное сияние! Представляешь!

Как ты помнишь, однажды Ира уже ссылалась на газеты – когда решила разыграть меня с редким заокеанским голубем, якобы улетевшим из зоопарка. На сей раз меня было уже не провести:

– Ты повторяешься, Чижик.

Но Ира размахивала газетой и уже совала мне под нос какую-то заметку. Я обмерла. В газете на самом деле было все это написано! Про северное сияние, которое вчера можно было наблюдать в Москве!

– Как же так?.. – только и смогла произнести я.

Вспоминая об этом случае, я часто думаю: как все-таки хорошо, что мы тогда выдумали северное сияние, а не, скажем, землетрясение или потоп! Иначе – кто знает, чем бы закончился тот унылый ноябрьский день.

Глава 6. Письмо Деду Морозу

В школе мы с Ирой почти не виделись, некогда было. У меня, например, уйма времени уходила на установление дипломатических отношений с соседом по парте Павликом Мартышкиным. С соседом по парте надо ладить, это каждому понятно. И Павлик, на первый взгляд, производил самое благоприятное впечатление: аккуратный, спокойный, рассудительный. Но, как ни странно, все эти достоинства иногда выводили меня из себя. Почему-то хотелось, чтобы Павлик разочек сделал что-то не так, совершил неправильный, даже хулиганский поступок. Выдумал что-нибудь, наконец!

— Павлик, я умею летать! — шепотом сообщаю на уроке русского языка.

— Неправда, — спокойно отвечает Павлик. — Люди не летают.

— А я летаю! Не веришь?! — тихо ору я.

Учительница Ида Ефимовна прерывает объяснение нового материала и, ни к кому конкретно не обращаясь, во весь голос произносит одно слово: «Ти-ши-на!» Ненадолго замираю. Потом щиплю Павлика в бок: «Так ты не веришь?!» Странное дело, я почему-то злюсь, хотя мой рассудительный сосед ведет себя безукоризненно: не верит явной лжи.

В следующий миг происходит вот что: я изо всех сил кусаю Павлика за плечо. И — о радость! — мой безупречный сосед в первый и последний раз на моей

памяти нарушает дисциплину: издает душераздирающий вопль. А я — в первый и последний раз — изгоняюсь из класса за хулиганство. Поскольку оказалось, что я, сквозь школьную курточку, укусила беднягу Павлика до крови. Этот факт произвел на одноклассников такое сильное впечатление, что меня все уважали и вскоре единогласно выбрали старостой класса. Правда, ненадолго. А сняли меня с этого поста (тоже единогласно) вот из-за чего.

Иду однажды после уроков по школьному коридору и вижу, как первачки вешают огромный плакат «Горячее время сева!» И тут на меня опять «нашло»:

— Что ж вы, — говорю, — неграмотно пишете?

— Как неграмотно?

— Сева — это же имя собственное! Значит, его надо писать с заглавной буквы. А перед ним поставить запятую, потому что это обращение.

На следующий день вся школа любовалась написанным огромными буквами предупреждением какому-то неведомому Севе: «Горячее время, Сева!» И я, даже немного гордясь, не стала скрывать своего участия в происшествии.

Да, в школе было немало проблем. И они отнимали кучу времени. Но — странное дело! — при всей своей серьезности, это были какие-то не главные проблемы. Настоящая жизнь начиналась в тот момент, когда распахивалась дверь и раздавались слова: «Привет, Чижик!»

В тот день появление Иры меня потрясло. Она пришла не одна, а с юнгой! Не настоящим, конечно, но — почти настоящим. Ей подарили огромную куклу, одетую в морскую форму! Особое впечатление на меня произвела бескозырка с надписью «Смелый». Эта бескозырка — величиной с блин — была почти в пору самой Ире, и моя подруга заявила, что в безветренную погоду собирается ходить в ней по улице.

За ужином я рассказала о юнге папе и маме. И мне было приятно, что родители тоже очень заинтересовались им. Мама даже несколько раз спросила, не знаю ли я, кто Ире его подарил. Все-таки, согласись, мои родители умеют отличить пустяк от серьезного разговора.

Конец школьной недели получился на редкость напряженным: писали контрольную по математике, ездили на экскурсию на швейную фабрику. Так что с Ирой я виделась урывками, на переменках, и даже забывала узнать, как поживает юнга. А в субботу после обеда мама вдруг спросила:

— Послушай, а не хотела бы ты написать письмо Деду Морозу?

— Зачем? — не поняла я.

— Ну как же! Ведь скоро Новый год, Дед Мороз захочет тебе что-нибудь подарить. Но он же не знает, о чем ты мечтаешь.

Я села за письменный стол и задумалась. Хотя мне уже исполнилось восемь, я так и не решила окончательно, существует Дед Мороз или нет. Когда-то, еще

в детском саду, я случайно увидела, как Дед Мороз после утренника отцепляет фальшивую бороду, снимает шубу и шапку и оказывается просто человеком, старшим братом одного из наших мальчиков. Это открытие так меня огорчило, что я целую ночь не могла уснуть. Когда я задавала вопрос о Деде Морозе кому-то из старших, мне отвечали однозначно: «Конечно, существует!» Но было в их словах что-то подозрительное. Однажды и у нас с Ирой тоже зашел разговор на эту тему.

– Знаешь, Чижик, – серьезно проговорила Ира, – я думаю, что настоящий Дед Мороз, скорее всего, есть. Но он не успевает ко всем, поэтому часто его изображают взрослые. И, по-моему, напрасно. Только подрывают веру в настоящего Деда Мороза.

В общем, так и не придя к однозначному выводу, я взяла ручку и, вздохнув, написала на листе бумаги в клеточку следующее:

«Дорогой Дед Мороз! Подари мне, пожалуйста, на Новый год юнгу в бескозырке „Смелый“. Как у Иры. Если можешь. Заранее благодарна, до свидания, Аня».

Потом я положила письмо в конверт, на котором, подумав, вывела: «Антарктида. Деду Морозу». Вечером я собственными руками опустила конверт в почтовый ящик. И стала ждать. А ждать, согласись, было чего. Ведь если Дед Мороз откликнется на мое письмо, значит он уж точно существует! И это не менее важно, чем даже сам подарок.

И вот – тридцать первое декабря. Вечереет, в комнате накрыт праздничный стол, стоит елка. Скоро должна

прийти Ира, и я гадаю, в бескозырке она будет или с бантом на затылке. Когда раздался звонок, я была уверена, что это уже она. Но за дверью никого не оказалось. Если не считать большой коробки и привязанной к ней открытки. В открытке я с замиранием сердца прочитала:

«Дорогая Аня! Извини, что не смог зайти – очень много дел. Поздравляю тебя с Новым годом! Желаю счастья и успехов в учебе! Твой Дед Мороз».

Ну, а в коробке, как ты догадываешься, был юнга – точно такой, как у Иры!

Вскоре мы обе сидели перед телевизором, пили лимонад, ели пирожные, а на голове у каждой из нас красовалась бескозырка величиной с блин. Чтобы бескозырка не падала, надо было сидеть очень прямо. На экране появился Дед Мороз.

– У него действительно усталый вид, – сказала Ира. Мне тоже так показалось.

Глава 7. О том, как Чижики чуть не стали милиционерами

Я очень люблю лето! Только летом можно бегать босиком по теплой земле, купаться, кататься на велосипеде, валяться на траве и слушать кузнечиков. Но один недостаток у моего любимого времени года все-таки есть: на каникулы нам с Ирой всегда приходилось расставаться. Она уезжала на дачу, а я — или к бабушке, или куда-нибудь с родителями. Сначала мы обе очень грустили по этому поводу, но вскоре поняли, что временная разлука имеет свои преимущества. Нет ничего уютнее, чем сидеть потом дождливым осенним вечером на диване и рассказывать друг другу о невероятных летних приключениях.

Но бывают новости, о которых необходимо рассказать как можно скорее. Поэтому, едва самолет «Сочи-Москва» выпустил маму, папу и меня на землю, я сломя голову бросилась к телефону-автомату. Мне не терпелось прямо из аэропорта сообщить Ире, что в последний день на море я научилась прыгать с вышки в воду «ласточкой».

Трубку сняла Ирина бабушка.

— Ира ушла за хлебом, — сказала она и вдруг добавила: — Аня, а у нас собачка. Тепой зовут.

Домой я ехала как во сне. У Иры — собака! Мне представлялся огромный клыкастый пес с умными глазами, гроза хулиганов и воров, а для своих — верный

друг и весельчак. Только вот будет ли он считать меня своей, этот Тепа, Ирин пес?..

Еще меня немного смущало имя – Тепа. Так ведь обычно зовут зайцев в мультфильмах. А огромного серьезного пса лучше было бы назвать Мухтар или, например, Рекс. Впрочем, подумала я, вполне вероятно, что это не полное имя, а уменьшительное, домашнее. Но какое же тогда полное?

Найти ответ я уже не успела – мы приехали. Со скоростью света взлетаю на пятый этаж, звоню в дверь Ириной квартиры. (Ого! За лето я доросла до звонка! Но это сейчас неважно.) Дверь распахивается, и ко мне радостно бросаются они оба – Ира и Тепа. Ира выросла ровно настолько же, насколько я; зря я надеялась оказаться выше. А Тепа... Он пока что не огромный пес, а прекрасный задорный щенок. Чуть больше моей сандалиии. Белый с черными пятнами и очень лохматый. Он залиvisto лает и подпрыгивает, у него мокрый черный нос и красный язык.

– Тепа, фу! – кричит Ира, и видно, что ее распирает от гордости.

Мне хочется сказать что-нибудь солидное, соответствующее моменту.

– Чижик, – спрашиваю, – а какой он породы?

– Черный терьер.

Это меня немного удивляет. Ведь Тепа скорее белого цвета, чем черного.

– Понимаешь, – объясняет Ира, – кто-то из его

родителей был неправильного окраса. Вот Тепа и получился пятнистый. Но это ни на что не влияет.

Вечером мы с Ирой устраиваем чаепитие в честь моего возвращения. Мы сидим за столом, а Тепа бегает вокруг, кусает за ноги, треплет тапки, воинственно нападает на плюшевую обезьяну.

— Знаешь, Чижик, — мечтательно говорит Ира, — я хочу воспитать его настоящим сторожевым псом. Тут по телевизору показывали милиционеров, которые ловят преступников со своими собаками. Самое главное — чтобы пес был хорошо обучен.

— И ты пойдешь в милиционеры? — упавшим голосом спрашиваю я. — А как же юнги?

— Но ведь существует и морская милиция.

Видно, что Ира серьезно продумала эту проблему. И тут мне становится невыносимо грустно. Чтобы не заплакать, я спешу перевести разговор на другую тему:

— А какого размера он будет, когда вырастет?

— Большо-ой! — обещает Ира.

— Тяф! — говорит Тепа. Он, видимо, как все малыши, хочет сказать, что уже большой.

— Слушай, Чижик, — спохватывается Ира, — ты не унывай. Мы будем вместе воспитывать Тепу и вместе попросимся в милиционеры.

— А разве можно так — с одной собакой?

— Не знаю. Но мы очень попросим. Наверное, можно на полставки. Хотя, конечно, было бы лучше уговорить твоих тоже завести собаку.

Легко сказать — уговорить моих! Я всю жизнь, сколько себя помню, мечтаю о собаке. Но мама с папой, обычно такие понимающие и добрые, в этом вопросе непреклонны. Когда еще мы жили в коммунальной квартире на Арбате, они говорили, что для собаки нет условий. Теперь, когда условия есть, выяснилось, что я пока не достаточно самостоятельный человек и не могу как следует обслуживать даже саму себя, не то что собаку. И, по правде сказать, доля истины в этих словах есть, я действительно не люблю убираться в своей комнате и плохо плету косы...

В общем, я решила больше ни о чем не просить родителей. Пусть сами поймут, что без собаки я зачахну. Особенно теперь, когда у Иры появился такой замечательный Тепа.

До начала учебного года оставалось еще две недели, и мы с Ирой целыми днями дрессировали Тепу. Но, наверное, он был еще слишком мал, чтобы понять, когда надо «сидеть», а когда «лежать». Только команду «голос» щенок всегда выполнял охотно, да и без команды постоянно весело тявкал.

И вот, в один прекрасный момент, мои родители сдались. Правда, не совсем...

Это было в пятницу, за ужином.

— Аня, — сказала мама непривычно торжественно, — мы с папой посоветовались и решили (сердце мое громко забилось) купить тебе кота!.. Если ты согласна, завтра утром поедете на Птичий рынок.

Сначала я обиделась. Потом расстроилась. Потом представила себе кота, несущего милицейскую службу, – и чуть не расплакалась. Но не расплакалась, а почему-то, неожиданно для себя, засмеялась.

– Ну, вот и хорошо, – сказала мама и тоже с облегчением засмеялась.

Назавтра в нашу квартиру въехал новый жилец – котенок Тихон. Он был куплен на Птичьем рынке за три рубля. Сначала мы с папой долго толкались среди продавцов и покупателей, выбирали. Но когда я увидела Тихона – сразу поняла, что мы приехали именно за ним. Размера он был крошечного, чуть больше мыши, зато очень пушистый. Окраской (Ира бы сказала «окрасом») в точности повторял Тепу: белый с черными пятнами. Только нос и пятки у него были ярко-розовыми.

Очень скоро выяснилось, что Тихон проказник. Но проказник гениальный. Например, он обожал стащить у тебя из-под носа катушку или карандаш и начать шумную возню. Но стоило грозно крикнуть что-нибудь вроде: «Тихон! Ах ты воришка!», как котенок виновато приносил украденный предмет на место. Вообще он очень быстро стал понимать человеческую речь. Можно было сказать: «Тиша, пойдем на кухню, я дам тебе рыбки», – и он тут же мчался к холодильнику. Как ни странно, любимым лакомством Тихона были конфеты, особенно леденцы. Разгрызть он их не мог, но облизывал целыми днями – до тех пор, пока леденец не растворится

полностью. Впрочем, не отказывался он и от сгущенного молока с сахаром.

Время шло. Через полгода Тепа превратился в довольно неказистую собаку: туловище у него выросло, но лапы остались коротенькими, из-под длинной шерсти их почти не было видно. Так что если Тепа и походил на большого сторожевого пса, то на лежащего с поджатыми лапами. Вдобавок он так и не поддавался дрессировке и по-прежнему, кроме команды «голос», ни одно приказание не исполнял.

– Да, Тепа, не оправдал ты наших надежд, – добродушно ворчала Ира, почесывая своего любимца за ухом.

– Нечего было называть его таким несерьезным именем, – тоже в шутку вторила я. – Правда, Тепа?

Ответом мне было всегдашнее радостное «тяф!»

Что касается Тихона, то он представлял собой полную противоположность Тепы. Во-первых, вырос до неопишуемых размеров. Во-вторых, когда у него было хорошее настроение, приносил по команде брошенную палочку (лучше карандаш) и подавал лапу (правда, левую).

– Знаешь, Чижик, – наблюдая за Тихоном, сказала однажды Ира, – по-моему, твоего кота вполне можно взять в милицию. Представляешь, как он будет полезен! Ведь никому из преступников и в голову не придет, что кот работает с милиционерами!

Потом она помрачнела:

– Эх, а с Тепой моим – одни неприятности...

– Не грусти, Чижик! – воскликнула я. – Мы выдрессируем Тепу! И Тихон ему поможет своим примером!

В этот вечер я чувствовала себя совершенно счастливой. И за ужином разоткровенничалась больше обычного: рассказала маме и папе о нашем решении поступить с Тепой и Тихоном в милиционеры. Родители, выслушав мое признание, как-то особенно переглянулись, и мама как-то особенно серьезно сказала:

– Только сначала надо хорошо окончить школу. Никому не нужны милиционеры недоучки.

А папа вдруг не то поперхнулся, не то чихнул, а спящий у него на коленях Тихон от неожиданности вспрыгнул прямо на стол, выгнул спину и зашипел. Но нарушить покой и радость этого вечера было невозможно. Через минуту кот опять лежал у папы на коленях и мурлыкал так громко, что казалось, будто под окном работает мотор.

Глава 8. О том, как все это не кончилось

Я сижу на скамеечке в самом тихом углу нашего двора. Со всех сторон — плотные кусты шиповника, так что заметить меня совершенно невозможно. А люди, судя по голосам, иногда проходят совсем рядом. Я тоже их не вижу, поскольку у меня завязаны глаза. И вообще, вокруг не двор, а бушующий океан, сижу я в трюме пиратского корабля, и с минуты на минуту должен появиться верный друг и спаситель Чижик.

Но Ира почему-то все не идет и не идет. Я даже начинаю подозревать, что она отвлеклась и забыла о нашей игре. И как раз в тот момент, когда я окончательно отчаялась, откуда-то издалека донесся Ирин крик: «Чижик! Пожар!»

— Нет! — кричу в ответ. — Я так не играю! Лучше кораблекрушение!

— Нет, правда пожар! — упрямится Ира.

Я чувствую, что злюсь уже по-настоящему. Терпеть не могу, когда неожиданно меняют ход игры! Набираю побольше воздуха и изо всех сил ору:

— Нет, кораблекрушение!!!

И в этот момент ветерок приносит настоящий, не выдуманный запах гари. «Дом горит! — понимаю я. — Надо спасти Тихона!»

Пока я с трудом сдираю с глаз повязку, воображение рисует самые жуткие картины. Вот мы с мамой, папой

и Тихоном сидим на пожарище, идет дождь, а нам негде укрыться, потому что дома больше не существует. А вот уже зима, кругом снег, мы кутаемся в какие-то тряпки, но все равно замерзаем... Впрочем, во всем этом много интересного, ведь это — настоящее приключение!

Выбравшись, наконец, из своего убежища, я обнаруживаю, что горит вовсе не дом, а зеленое дощатое здание помойки, находящееся как раз под окнами нашей квартиры. У места происшествия скопилась небольшая толпа, в гуще которой — Ира, с ног до головы перепачканная копотью. В это время вдали возникает быстро усиливающийся вой сирены. Через минуту во двор въезжают пожарные машины, сразу три. Для того чтобы погасить остатки помойки, им понадобилось несколько мгновений.

Через полчаса мы как ни в чем не бывало сидим на скамеечке в зарослях шиповника. Только на душе у меня, честно говоря, нехорошо.

— Эх, — говорит вдруг Ира, как будто прочитав мои мысли, — раз в жизни случился пожар — и то некого было вынести из огня! Хоть бы кошка какая-нибудь!

— Да, — подхватываю я, — нам как-то особенно не везет с геройскими поступками!

— Так ты же не имеешь права рисковать своей жизнью, — ехидно замечает Ира, но я пропускаю ее слова мимо ушей. Когда срывается верный геройский поступок, вполне естественно, что у человека портится настроение, и он говорит колкости.

Некоторое время сидим молча. Потом Ира вздыхает:

— Мне пора ехать домой.

— Я тебя провожу.

Уже на трамвайной остановке, на прощание, я вручаю Ире толстенький конверт — свое очередное письмо.

Чувствую, что ты, читатель, уже совсем запутался: куда едет Ира? Что еще за письмо? Сейчас я все тебе объясню.

Дело в том, что Ирина семья (в том числе Тёпа) переехала на новую квартиру. И теперь нашими соседями стали совсем старенькие бабушка и дедушка, к которым только на каникулы приезжал толстый мальчик Игорь, их внук. Этот Игорь был ужасно крикливым, постоянно что-то жевал и совершенно не жаждал со мной дружить. Как и я с ним.

В день Иринога переезда мы обе старались казаться спокойными, даже веселыми. Разве расстояния и разлуки могут разрушить настоящую дружбу! — всем своим видом говорили мы. Условились переписываться (телефона в новой квартире еще не было), а по выходным ездить друг к другу в гости.

Но когда большие пыльные машины, увозящие Иру и все, что с ней связано, скрылись за поворотом, я заплакала. Честно говоря, мне не верилось, что наша дружба выживет в новых условиях. Хотя бы потому, что писать письма для меня — адская мука. Я всегда обещаю бабушке писать с юга, но за месяц в лучшем случае сочиняю одно короткое послание. И то лишь благодаря

нашей учительнице Иде Ефимовне, которая еще в первом классе продиктовала нам форму правильно составленного письма: начинаться оно должно с вежливого обращения, потом надо поинтересоваться здоровьем и основными событиями жизни адресата, затем – вкратце рассказать о своих делах, пожелать всего хорошего и поставить подпись и число. Я представила себе унылое начало: «Здравствуй, дорогая Ира! Как ты поживаешь на новом месте? Как твое здоровье?» и т. д., и слезы хлынули с новой силой.

Весь следующий день я пребывала в расстроенных чувствах, это даже в школе заметили. А через день мама обнаружила в почтовом ящике конверт на мое имя. Вместо обратного адреса было нарисовано птичье перо. Распечатав конверт, я прочитала:

«Чижик, здравствуй! Вот и прошло ровно сто лет с тех пор, как я улетела в неизвестном направлении, неся в клюве сопротивляющегося Телу. Все это время два ленивых Чижики ожесточенно спорили, кто из них должен написать первое письмо. „Чур не я!“ – крикнул А-Чижик (ты), отбегая на всякий случай в сторону. В ответ И-Чижик, поправив у себя на голове чудом там держащуюся кукольную бескозырку, ринулся в бой. Два Чижики долго катались в пыли, колотя друг друга крыльями и ощипывая клювами. На крик подросла мама И-Чижики и строго сказала, что драться негостеприимно...»

Знаешь, это было совершенно неправильное письмо! И состояло оно в основном не из слов, а из рисунков:

вот две потешные птицы в бескозырках, вот – пыльное облако, из которого торчат куриные лапы с зажатými в них портфелями. Заканчивалось все это и вовсе не как полагается – никакой подписи или числа. Только слова: «Пиши! Иначе...» и дальше – череп и косточки, означающие смертельную опасность. Но самое удивительное, что, прочитав такое письмо, нестерпимо хотелось тут же написать (и нарисовать, хоть я и плохо рисую) ответ.

Однако я рассудила, что до выходных, когда мы собираемся встретиться, всего четыре дня, поэтому посылать письмо сейчас не имеет смысла. Ира считала по-другому. Накануне встречи я получила от нее новый конверт:

«Чижулик! („жулик“ подчеркнуто) Как говорят у нас на Первомайской улице, здравствуй! Я к вам пишу, чего же боле? Что я могу еще сказать, отчаявшись заполучить от тебя хоть строчку?»

Дочитывать я не стала. Точнее, дочитала позже. В руке у меня как бы сама собой оказалась ручка, и я, смеясь и торопясь, сочинила ответ, начинавшийся так:

«Здравствуй, дорогой друг – морской Чиж! Теперь я поняла, кого имел в виду автор песни „Ничто на земле не проходит бесследно“. Он имел в виду тебя! И это радует. Минуту назад я печально плескалась в бездонной тарелке супа, и будущее казалось беспросветным. Но теперь все по-другому! Благодаря твоему угрожающему письму!»

Дальше я, как сумела, нарисовала разноцветный почтовый конверт с крылышками и себя, плавающую в тарелке супа на кораблике «Смелый».

Не буду пересказывать тебе наши с Ирой письма, потому что часто они продолжали начатые при встрече разговоры, комментировали только что увиденные фильмы и прочитанные книги. Важно другое: письма каким-то странным образом заменили нам частые встречи. Захочется мне поболтать с Ирой, пошутить или, наоборот, пожаловаться на неприятности в школе, — я беру ручку, карандаши и пишу, рисую. И неважно, что завтра мы увидимся и сможем поговорить по-настоящему. Ведь главное — поделиться своим настроением в тот момент, когда оно возникло.

Получилось, что теперь мы с Ирой как будто совсем не расставались, даже уезжая из Москвы на целое лето. Ведь в любую минуту можно взять бумагу и сочинить что-нибудь вроде:

«Чижик! Берегись! 21-го августа я возвращаюсь в Москву, и, хочешь ты этого или нет, тебе придется меня увидеть. Предупреждаю сразу: долгие страдания оставили на моей физиономии неизгладимые следы, и теперь я до неприличия конопата, увы!»

А через несколько дней получить ответ:

«Здравствуй, милый Чижик! Пишет тебе твой бывший друг... Спрячь обратно в карман пузырек с ядом кураре, Чижик! Не вздумай отравиться, это вредно для уха-горла-носа. Выражение „бывший друг“ не означает,

что больше ты мне не друг, нет! Просто-напросто я утонула в пруду... Ну вот, теперь, когда у тебя отлегло от сердца, могу рассказать, как все это произошло...»

Виделись мы теперь, конечно, реже, чем когда жили на одном этаже, но зато наше общение стало гораздо более насыщенным. Вот лишь несколько событий, произошедших в течение одного года: мы купили лошадь (правда, ненадолго), поступили в драмкружок, которым руководил очень странный человек (между собой мы называли его Никпетр – от Николая Петровича), выследили преступника (точнее, двух, близнецов). К тому же были уроки музыки, районная олимпиада по литературе, на которой мы поделили первое место («Свято место пусто не бывает, на него обязательно плюхнется как минимум две птицы», – сказала по этому поводу Ира) и многое-многое другое. Но я подумала и поняла, что наша дружба после разъезда в разные концы города – это уже другая история. А история, рассказывающая о знакомстве и дружбе двух Чижиков, живущих на последнем этаже московской пятиэтажки, заканчивается. До свидания, дружище! Если ты захочешь, мы с тобой еще обязательно встретимся. Это я тебе торжественно обещаю. Ведь настоящие друзья не исчезают, не перестают быть друзьями даже в разлуке. В чем, надеюсь, тебя убедила только что прочитанная повесть.

Свет погас

Свет погас уже после того, как профессор Завягин окончил операцию, переделся и собрался уходить домой.

— Во всем квартале не горит. Ух ты! — высунувшись из окна, воскликнула молоденькая операционная сестра Ниночка. — Может, переждете?

Все еще улыбаясь ей в ответ, профессор спустился с третьего этажа на второй и только здесь сбавил шаг. Завягин подумал, что каких-нибудь полчаса назад, по сути, совершил чудо — спас безнадежного больного, не дал погаснуть человеческой жизни. Что в сравнении с этим — какое-то местное отключение электричества! Хотя день, конечно, уже сократился изрядно. Всего шесть часов вечера — а какая темень! Нет, конец ноября без снега — это не подарок, совсем не подарок!

Рассуждая подобным образом, профессор опасно ускорил движение — и вдруг споткнулся и чуть было не рухнул с лестницы. Но в последний момент удачно уцепился за перила и восстановил равновесие. «Бог спас!» — с чувством проговорил неверующий профессор, промокнул испарину со лба и вышел на крыльцо.

На улице было странно. За спиной профессора темным, огромным кораблем высилась больница. А впереди темным океаном перекатывался весь остальной мир. Тут профессор увидел просвет и инстинктивно к нему устре-

мился. Зрение пошутило: на фоне темной двери гастронома выделялась обычно злющая, а сейчас невероятно радостная продавщица в грязно-белом халате. Меткими движениями она выхватывала из двери замешкавшихся покупателей, приговаривая: «Закрываемся. Свету нет. А то вы тут в темноте все поворуете».

Иначе дело обстояло в соседнем, коммерческом магазине со скромным названием «Европа, Азия, Америка». Прилавки уже были озарены лоснящимся мерцанием десятка восковых свечек. И отторгнутые гастрономом граждане, как замороженные, потянулись на этот снижающий бдительность свет.

У перекрестка профессор стал свидетелем уже явно криминальной сцены. Какой-то неопрятного вида человек со странным инструментом в руках примеривался к припаркованному «Мерседесу». Наконец раздался медицинский хруст, и субъект исчез вместе с блестящей мерседесовской звездой, оставив на ее месте беспомощную культу. Профессор вскрикнул от неожиданности и несколько раз судорожно повернул голову влево-вправо, силясь обнаружить хоть какие-то признаки правосудия. Но их не было. Было темно, моросил дождь, мимо шли и шли машины с размыто светящимися фарами. И профессор забыл о случившемся. Он задумался о том, что и сам мог бы вот так плыть сейчас в одном из автомобилей. Но жил наш герой уж слишком близко от больницы — с последних ее этажей можно было наблюдать окна квартиры Завягиных. И наоборот —

из окон профессорской квартиры виднелась часть серого больничного здания.

— Во-он эта ужасная больница, где работает котик, — говорила гостям жена.

— А вот в том доме — видите, желтом, кирпичном, — там живет наше светило, профессор Завягин. Если вашего (вашу) мужа, отца, сына (дочь, мать, жену) будет оперировать он — тогда считайте, что все обошлось, — говорили сослуживцы.

Мысль о том, что он — светило, особенно теперь, когда ни солнце, ни звезды, ни даже фонари не горят, — эта мысль неожиданно окрылила профессора. И тут же расстроила. Он понял, что даже светило вынуждено мокнуть под дождем и ждать у перекрестка до бесконечности, когда иссякнут машины. А они никогда не иссякнут, потому что светофор не действует, темень непроглядная, и пересечь дорогу ему, скорее всего, не удастся.

И в этот момент профессор Завягин пошел на чудовищный риск, подобного которому не допускал еще никогда. Поняв, что ждать дальше нестерпимо, он, не глядя, — словно неопытный ныряльщик с мостков — сошел с тротуара и резво двинулся к другому берегу улицы. В голове звучало по-достоевски зловещее: «Если я — единственное на данный момент светило, то имею право...»

Как ни странно, машины на эту минуту и впрямь поредели, и профессор беспрепятственно достиг нужной стороны дороги. И сразу увидел знакомую фигуру.

Сколько времени назад здесь появился этот человек — никто не помнил. Ясно только, что не вчера и не позавчера. Это был удивительно спокойный рабочий, сколупывающий грязную штукатурку с фасада не старого, но уже разрушенного здания, ныне перешедшего во владение богатой компании. Он действовал столь же старательно, сколь медленно — казалось, что работа не движется, хотя и в дождь, и в темень его сосредоточенную фигуру можно было застать на одном и том же месте.

Ошалело поклонившись рабочему (тот не ответил), профессор уже совсем приблизился к конечному пункту своего ежедневного путешествия.

На скамеечке у подъезда обитали старухи. Все они носили платочки, но вот лиц профессор никак не мог запомнить, точно их и не было — как у недорисованных матрешек.

Проходя мимо старух, Завягин невольно услышал: «А у Кости, конечно, горит! У него все куплены, все!» Подняв голову, профессор и вправду с удивлением обнаружил на фоне темного дома четыре светящихся окна, принадлежащих коммерческому человеку Косте Густодумову.

Костя был фигурой легендарной еще с детства. Отец его, стеснительный инженер, недавно тихо отошедший в мир иной, в молодости носил оскорбительную фамилию Пустодумов. С ней он и женился, и родил единственного сына. Но потом терпение Пустодумова-стар-

шего почему-то лопнуло, и по дому пронесся слух, что он отправился в милицию с заявлением об изменении фамилии. Завягин и его первая жена Верочка тогда, помнится, пошутили за ужином, что им тоже стоит сменить фамилию на Расцветовых. Недели две дом мучился догадками, какую же фамилию изберет Пустодумов. Но итог превзошел все ожидания: изменена была только одна первая буква. Так Пустодумовы, в том числе третьеклассник-двоечник Костя, сделались Густодумовыми.

В результате любимый отпрыск не превратился в отличника, но по окончании школы проявил изрядные способности к коммерции. Если бы не вступление в права рыночных отношений, сидел бы сейчас Густодумов-младший за спекуляцию. Но судьба была к нему милостива. А судя по освещенным окнам в обесточенном квартале — даже очень милостива.

Ощупью ориентируясь в подъезде, Завягин по рассеянности нажал на кнопку лифта и тут же спохватился: «Тьфу ты, электричества-то нет! Вот черт, придется плестись вверх по лестнице!» Но красный глазок, вопреки здравому смыслу, загорелся. И лифт пришел — приветливо-яркий. «Ну, Костя!» — ахнул профессор, заходя в кабину и вдавливая пуговку «7». Обычно лифт взбегал вверх опрометью, так что дух захватывало. А тут двери сомкнулись, и кабина пришла в подозрительно затрудненное движение. Завягин испугался. Он вообще опасно относился к механизмам, да плюс к этому — замкнутый квадратный метр пространства, навалившаяся

ся духота и внезапно померкшее освещение. Лифт вздрогнул и застопорился. «Ну же, ну! — напрягся профессор. — Поезжай!» В двигателе что-то всхлипнуло, и неверное движение возобновилось. «Скорее!» — командовал профессор. Неохотно, лениво, но лифт повиновался! Свет в кабине приобрел странный красноватый оттенок. Воля профессора была предельно напряжена, но мозг оставался свободным, и мысли текли легко и рискованно. «Неспроста это! И Костя тут ни при чем. Здесь явно замешана некая сверхчеловеческая сила, — думал Завягин. — А теперь прикинем: с кем эта сила может быть в сговоре? Только со мной. Разве не я делаю уродов нормальными людьми? Возвращаю к жизни обреченных? Продлеваю написанный на роду срок? Я! А не я ли сегодня остановил поток машин? А этот лифт, везущий меня в обесточенном доме! Это ли не знаки могущества!»

Профессор вспотел и резким движением рванул ворот пальто. Верхние пуговицы с треском разлетелись. «Может, я и пространство, и время могу подчинить? — хрипел профессор. — Вот сейчас закрою глаза... (он до звона в ушах зажмурился) и перенесусь в сегодняшнее утро, в кабинет... И скажу Ниночке... скажу Ниночке...»

Профессор Завягин открыл глаза. В окна больницы бил нестерпимо яркий, свежий солнечный свет.

— Ниночка! — профессор бросился навстречу молодой медсестре и чуть не упал. Со всех сторон его

подхватили чьи-то руки. Послышался шепот: «Успокойтесь! Вам нельзя...»

– Ниночка! Я прошу вашей руки! – кричал профессор. – Ради вас я повернул время вспять! Сегодня, двадцать шестого ноября, я решил, что больше так нельзя! Что человечество задыхается в своей несвободе! И я вместе с ним!..

Многим, кто слышал эти слова, казалось, что профессор безумен, что на дворе апрель, а испуганная медсестра – не Ниночка, а Наташа, и действие происходит в одной из закрытых психиатрических клиник. Но – кто знает? Может быть, правы не многие очевидцы, а один гениальный хирург Завягин? Во всяком случае, истина, как показывает опыт, никогда не определяется большинством голосов...

Центрифуга

1

Это был он: чуть приподнятые при ходьбе плечи, вечно мешковатые джинсы, лихорадочно горящие глаза. Ну и, конечно, то, что называют «хорошей» улыбкой.

Она его обожала. До такой степени, что каждого человека оценивала по шкале его признаков: достаточно ли нелепа походка (про себя она почему-то окрестила такую походку «домашней»), не слишком ли аккуратен («пресен») облик и так далее, того анекдотичнее. Она отлично понимала, что ведет себя (точнее — проявляет себя, чувствуя его) как-то странно, но находила в этом *особую прелесть*.

Самую большую радость, настоящее блаженство, она испытывала по ночам, в одиночестве, когда можно было лежать, глядя в едва обозначенный обрывками света потолок, и мечтать. Нет, грезить — потому что никакого предвкушения, а тем более никаких планов на будущее, приличествующих мечтам, в ее радости не было. Только воспоминания, отчетливые и острые, как льдинки по телу.

Вот она распахивает дверь и зажмуривается от нестерпимого солнца. Оно кажется особенно ярким из-за того, что комнатка малюсенькая и пыльная, и пыль стоит в воздухе, просеивая солнце и заставляя светить *медленнее*, а потому сильнее. Впрочем, есть в этом плот-

ном пыльно-солнечном поле и темное пятно, и это пятно — он.

Он — конторский служащий, этакий прилежный, но вольнодумный клерк. Сидит себе в пыльной комнатенке, на самом солнцепеке, в окружении пристальных и некрасивых (ей кажется) девушек. И тут она, как уже сказано, распахивает дверь и врывается — стремительно и радостно, и сразу оказывается на подлокотнике его шатучего жесткого кресла. И нахально чмокает его (не кресло, конечно) в колючую щеку. Стараясь не терять хотя бы самокритичности, она допускает, что похожа скорее не на влетевшего ангела, а на взбесившуюся козу (до коровы роста бог не дал). И от этого ей еще смешней. И она хохочет. И он тоже.

Или другой эпизод, более, что ли, индивидуальный. Дело в том — сейчас даже трудно в это поверить, — что однажды они были, как принято выражаться, близки.

Гнусная осень, гнусная погода, гнусный вечер и вдобавок надвигающийся комендантский час (по случаю смены одной гнусной власти другой; чуть позже они, естественно, подружились). Все это вместе и привело к тому, что он оказался — о ужас и восторг! — у нее дома (час поздний, живет он за городом и т.д.). Странно, но, начиная с момента, когда, щелкнув, затворилась входная дверь, она помнила только прикосновения. Вот его рука, нимало не раздумывая (о счастье врожденного хватательного инстинкта!), простирается к ней и жестко притягивает к нему. Складки его куртки

вплотную к ее лицу. Ткань торопливо срывается, сменяясь горячей и гладкой кожей. Дружная ватага мурашек — от поясницы к лопаткам, а потом в затылке. Рифленая поверхность дивана. Ступня упирается в холодноватый бок книжного шкафа. Не слишком бритая щека и неожиданно нежное ухо. И дальше — о чем не хочется словами, но так радостно думать...

Помнится, потом ели кислую капусту с хлебом — как водится, больше дома ничего не оказалось. А потом — она даже не могла воспроизвести, из-за чего, из-за какого-то пустяка — они поссорились. Помнила только себя, стоящую в едва накинутом халате, щеки горят, и говорящую что-то ужасное вроде «тогда уходи». А он отвечал, что, мол, комендантский час — вместо того, чтобы просто погладить по голове. А она: «Все равно уходи». Он и ушел. А она даже не заплакала, просто постояла немного у окна и легла спать. А когда встретила с ним недели через две, узнала, что его замели-таки в кутузку, где он и жил до утра, вместо того, чтобы у нее.

Ну, тогда она разозлилась и вышла замуж. Не напрасно — это на него подействовало. Как потом рассказывали некрасивые конторские девушки, он долго возмущался и все спрашивал их, невольно обижая: «Ну почему за него, а не, например, за меня?!» Ей это льстило, даже в пересказе.

Потом она довольно долго его не видела. Года через два случайно, все от тех же конторских девушек, узнала, что он женился на женщине старше него, с ребенком.

Но это ее уже не расстроило, а неожиданно умилило. Как и все, впрочем, что было связано с ним.

И вот теперь, уже разведенная и оставившая на недельку трехлетнего сына родителям, она поехала в пансионат отдохнуть. В тот самый пригород (не случайно, конечно), где живет он.

2

Это была она. Едва увидав ее издали, он понял, в какой степени не надеялся уже на эту встречу и как сильно желал. Даже нескончаемый дождик вдруг на минуту прервался. А она стояла на зашарканной дорожке, по которой он ходил каждый день, и ждала, когда он, наконец, приблизится. И он приближался (именно как-то неотвратно, не ощущая собственных шагов). И уже улыбался, радостно и почему-то облегченно — как не улыбался много-много лет.

Выждав приличествующую паузу, дождик припустил вновь, но при этом проявилось ослепительное солнце. В общем, выглядело все это на редкость театрально.

У нее в руках был пакет с незрелыми сливами, одну из которых она, смеясь, жевала. Он увлек ее под какую-то крышу и тоже взял скользкую плотную сливу. Да, она приехала давно. Почему не зашла? Ждала, когда он сам появится. Правда, ждала. Нет, в самом деле (насмешливый взгляд, сливовая косточка за щекой). «Слушай! Да у тебя борода! И вообще ты совсем седой! А я как? Изменилась? Ну скажи, скажи!» Она казалась счастливой.

Надо ли говорить, что он любил ее больше всего на свете, а может быть, и больше самого света?

3

Они не условились о встрече, но она не ложилась и в какой-то странной уверенности не отходила от окна. Наконец, около полуночи раздался свист. Это был он. В крошечной темноте. На велосипеде. Она удовлетворенно отметила, что время не отняло у него главного свойства – нелепости. И распахнула раму: «Ромео! Как мне жаль, что ты Ромео!..» Возня с велосипедом, тяжелый прыжок с подоконника на пол. И – прежняя «хорошая» улыбка. Нет, нет, ничего не потеряно!

Наоборот, у него было приобретение – кругленькая, щемяще-беззащитная лысинка вокруг макушки, обнаружившаяся, едва он сел в низкое кресло. Она избегала смотреть на эту лысинку. Но – не могла сдержаться и смотрела, смотрела взахлеб, почти до слез, чувствуя, что делает что-то неприличное.

Впрочем, ничего неприличного не произошло. И если бы страдающие бессонницей пожилые дамы-соседки или любопытная дежурная заглянули в неурочно освещенное окно, они были бы разочарованы. Потому как двое в комнате просидели до утра, почти не шелохнувшись, в разных углах. И даже пили только пустой чай. И разговаривали.

Однако это, бесспорно, была измена. Ее первая и самая серьезная из возможных измен бывшему мужу-

ревнивцу. Не оставляющая пути к искуплению. Потому что так хорошо, ликующе-легко, надежно ей не было ни с кем на свете.

Он ушел под утро. И она, с размаху упав на диван, тут же уснула. А проснувшись, обнаружила, что по щекам тепло и непрерывно катятся слезы. Так она и лежала с улыбкой, глядя в потолок и внимательно чувствуя, как горячие струйки сбегают к вискам, как остывают где-то возле ушей, а затем — зябко, по капельке — уходят в подушку. Она была совершенно счастлива.

4

Они разминулись всего на несколько минут. Подгоняемая внезапно проснувшимся аппетитом, она помчалась в столовую, на обед. Сил было столько, словно ей опять пятнадцать, десять, три, как сыну... Казалось, вся жизнь еще впереди.

Если бы она знала, что именно в этот момент он подошел к ее двери с целой авоськой слив, пакетом молока и еще какими-то продуманными кульками! Если бы увидела уже другой вариант его «хорошей» улыбки — заботливый (впрочем, не менее нелепый)!..

Они встретились чуть позже, на той же тропинке. И снова вдруг разразился ливень, и снова они прятались под ближайшей крышей. И смеялись, а по лицу катились дождевики — а может, слезы. Завтра ей предстояло вернуться домой, а ему — к привычным делам, к семье, работе. Ее ждали блаженные грезы о нем — а его о ней.

Он сказал, что, как это ни глупо, любил всю жизнь только ее. Она неожиданно резко ответила: «Не ври». И попросила его уйти.

А что еще могли они сделать, чтобы облегчить друг другу это последнее расставание?..

Исполнение желаний

Сначала мне показалось, что она из тех, про кого говорят: «у нее глаза красивые» («ни кожи, ни рожи», частенько даже прыщи, а глаза — они глаза и есть, ничем плохим не примечательны). Но в ней я частично ошибся. Ошибка выявилась в бассейне, куда занесло однажды всю нашу компанию, — девчонку с такой фигурой дурнушкой не назовешь. Однако по части умственных способностей я в ней не обманулся: оказалась достаточной дурой, чтобы согласиться приехать такого-то числа по такому-то адресу (якобы на день рождения одного моего семейного друга, куда мне ну никак нельзя без пары, а на самом деле — в мою собственную холостяцкую берлогу).

Такое-то число началось с энергичного звонка матери.

— Что у тебя за голос! Как ты живешь! Посмотри на себя! Я к тебе сейчас приеду.

— Лучше не надо.

— Как ты разговариваешь! Куда ты катишься!

— Ну хорошо, приезжай. Только ненадолго. И еще...

Знаешь... Ну ладно.

— Ну что, что?!

— Ничего.

— Ты меня доконаешь! С тобой невозможно!

Мать бросает трубку, но я не отхожу от телефона, зная, что через минуту она перезвонит.

– Так что ты хотел сказать? – более кротко спрашивает трубка.

– Мама, привези мне подушку.

– Что-о?

– Понимаешь, сегодня ко мне приедет малознакомая девушка, а у меня только одна подушка, неудобно.

Кажется, мать переборщила, сказав недавно, что я уже ничем ее не удивлю.

– А куда делась твоя вторая подушка? – спрашивает она после паузы.

– Я подарил ее Антонине.

– Как?!

– Ну, так. Не мог же я с ней расстаться, не подарив чего-нибудь на память.

В трубке опять короткие гудки. Отлично, теперь я на некоторое время свободен. Главное ведь что? – соответствовать представлениям. Тогда собеседник успокаивается и временно теряет к тебе интерес. Мать всегда подозревала, что я закончу психушкой, – зачем же разочаровывать? Но я ошибся. Она позвонила снова.

– Слушай, не валяй дурака! Немедленно забери у Тони подушку и извинись.

– Перед кем?

– Ты слышишь, что я говорю?!

– Ну уж нет! Я не так мелок, чтобы требовать обратно свои подарки!

Трубка опять пуста. Я начинаю лихорадочно ходить по комнате. А что если мать не привезет

подушку? Скорее всего, она решила, что я шучу. Так часто случается, когда говоришь чистую, даже трагическую правду.

Возвращаюсь к телефону и малодушно набираю номер Антонины.

— Я знала, что ты позвонишь, — говорит она с нежелательным в данном случае придыханием.

— Я, собственно, по делу...

— Ну?

— Мне нужна подушка. Ненадолго. Я потом верну.

— У тебя же есть.

— Мне нужна вторая подушка! — ору я, начиная злиться. — Сегодня! Только не подумай, что это я так к тебе клеюсь. Мне действительно нужна подушка для гостя.

— А я тебе не нужна?

Ну вот. Сам виноват.

— Тонечка, — говорю как можно ласковей, — я же сказал подушка для гостя, а не женщина для гостя.

Она уже рыдает. Черт возьми! Как трудно быть джентльменом в городе, в котором все так сложно трактуют тему подушки!

— Ты гад! Я тебя ненавижу! — сквозь рыдания выкрикивает Антонина и бросает трубку.

Последняя фраза едва ли означает, что сейчас Антонина быстро соберется и повезет через всю Москву, в мороз, в общественном транспорте подушку для моего гостя. Поэтому звоню другу Андрюхе.

– Старик, – говорит эта гнусная рожа, вдоволь нахотавшись над моими проблемами, – ты извини, но у меня лишней подушки нет.

– На один вечер!

– Кто тебя знает? А вдруг она у тебя заживется? Ты лучше вот что: позвони ей и скажи, чтобы приезжала со своей. Это будет справедливо.

Потом я звоню еще двум корешам, но у одного никто не подходит, а у другого трубку снимает новоиспеченная жена Светка, и я не решаюсь произнести свою срамную просьбу.

И тут меня осеняет. Прямо в шлепанцах вылетаю за дверь и прыжками одолеваю два лестничных марша. В седьмой квартире живет чудный мужик, пьяница, наш жэковский слесарь Петя.

У Пети, как всегда, гости и, как всегда, уже не первый день. В комнате дымно, перегарно, и сифонит из разбитой форточки.

– У тебя подушка есть? – спрашиваю с порога, отыскав глазами кляклую Петину физиономию.

– Там, – отвечает Петя слабым утренным голосом. Я устремляюсь в указанный угол и действительно нахожу жуткого вида сыроватую подушку без наволочки. Ну что ж, я еще успею подсушить ее на батарее.

Но, как говорится, судьбе не было угодно, чтобы я такого-то числа просто и без помех покинул Петину квартиру. Путь мне преградил невероятно крупный и, как мне показалось, недружелюбный человек. Ухмыля-

ясь, он без труда вырвал из моих рук подушку и довольно точным движением заткнул ею разбитую форточку. Потом верзила вновь обернулся ко мне и прогремел: «Ай да молодец мужик! А мы тут второй день дрогнем! Садись!» И он опустил тяжелую руку мне на плечо. И я сел на кушетку между верзилой и бледной дамой, глушащей самогон стаканами.

Дальнейшее я помню предельно отчетливо. Сначала я решил уйти после первого же глотка, лишь только обо мне забудут. Но вот обо мне забыли, и первый глоток (и даже стакан) состоялся, а уходить расхотелось. Здесь никто не спрашивал, куда я дел вторую подушку и есть ли у меня совесть; никто не интересовался даже, как меня зовут, хотя всех, кроме неожиданно оживившегося Пети, я видел впервые. И все-таки мы были единым целым, общностью, коллективом, что ли. Если бы сейчас кто-нибудь посторонний вздумал меня ударить или просто назвать гадом, все присутствующие наверняка возмутились бы, а то и вступились за меня. И я бы, не задумываясь, вступился за любого.

Короче, я остался. Менялись лица и разговоры, кто-то пел, кто-то шутил или всхлипывал. И надо всем этим витал невысказанный покой и мир, никто никому не был обязан...

Очнулся я, когда уже стемнело. Аккуратно высвободился из-под руки задремавшей бледной дамы и, не прощаясь, поплелся к выходу. Который час, день, год – всего этого я себе не представлял.

Дверь моей квартиры оказалась незапертой, внутри слышались голоса. Войдя, я обнаружил сидящих рядом за столом мать, Антонину и даже Андрюху. На кровати, так же рядом, лежали три посторонние мне подушки.

И вот тут произошел провал в памяти. Знаю только, что подошел к кровати и, не раздеваясь, упал в это мягкое, прохладное, белое нагромождение. «Кажется, сегодня исполняются все желания», — пронеслась изумленная прощальная мысль.

Я так и не узнал, приезжала ли она в тот вечер. Возможно, приезжала, когда в квартире никого не было. А может быть, даже звонила в дверь, когда я дрых в подушках и ничего не услышал. Ну и ладно. «Все, что НЕ делается, к лучшему», — любит повторять сосед Петя, и с ним трудно спорить.

А ее я с тех пор видел только издали, мельком. Кивнет (правда, довольно приветливо) — и бежит дальше. А через полгода я узнал, что она вышла замуж за Андрюху. На свадьбу меня не пригласили.

Танька

1

Танька – самый счастливый человек из всех, кого я знаю. И дело не в том, что ей как-нибудь особенно повезло в жизни. Скорее наоборот: с двумя мужьями развелась, осталась с дочкой и больной мамой на руках, денег нет, работа – от случая к случаю (Танька переводчица). И все же она ежесекундно и неподдельно счастлива, хотя сама об этом, кажется, даже не подозревает.

Звонит мне в начале второго ночи (время для Таньки относительно, как для Эйнштейна):

– Ты спишь?

– Сплю.

– Пожалуйста, не спи. Пожалуйста! А то меня разорвет на куски.

– Ну что еще?

– Я влюбилась.

– И все?

– В человека семидесяти лет!

– Ого. Ну и как?

– Что «ну и как»? Он, едва что-то заподозрил, сразу дал дёру, только пятки засверкали. Он же не идиот. Для семидесятилетнего человека мои эмоции, сама понимаешь, впечатление почти смертельное.

– Значит, теперь все в порядке?

– Наверное, да. Если не считать, что я абсолютно несчастна. Как ты думаешь, удастся объяснить ему, что мне от него совсем ничего не нужно? Тогда, может быть, он перестанет меня бояться?

– Я бы не перестала. Звонишь среди ночи, тут и тридцатилетний, не то что семидесятилетний, загнется.

– Ой, ну извини, пожалуйста! Только не вешай трубку. Ты знаешь, он такой... Какой-то родной, теплый, все понимает...

– Пора бы уж, все же не мальчик. А вообще – ты мне это уже говорила год назад про строителя...

2

Действительно, год назад Танька, интеллектуалка, спресонок цитирующая Бродского и Саади, потеряла голову из-за крайне подозрительного мордворота, не способного без запинки произнести даже собственное имя – Альберт. Мне о случившемся с тревогой сообщил наш общий с Танькой знакомый, старый добрый редактор Гриша. Он был очень уязвлён тем, что она излила ему на этот счет душу – Гриша, насколько я понимаю, к Таньке уже много лет застенчиво неравнодушен. И вдруг – на тебе!

– Я ее спрашиваю: «Где ты его нарыла?» А она, на полном серьезе: «На грядке нашла. Отправила маму с дочкой к знакомым на дачу, а он там по соседству сарайчик снимает. Круглый год». Я говорю: «А если он захочет к тебе прописаться?» «Про-

пишу, — отвечает. — Я сейчас ни в чем не могу ему отказать».

Видела я потом этого строителя — удивительный тип, что правда, то правда. Я даже в какой-то момент поняла, чем он Таньку заворожил. Все, что этот Альберт делал, получалось у него бесконечно плохо — будь то чистка картошки или строительство дома «в лапу». Среди знакомых, которым он вызывался что-нибудь отремонтировать, о нем скоро стали ходить легенды. На даче у одних он вверх ногами навесил ворота, у других в московской квартире ухитрился покрасить пол в такой беспорядочный цвет, который у всех без исключения ассоциировался только с экскрементами. Для самой Таньки Альберт воздвиг целый книжный шкаф, развалившийся еще до того, как его полка коснулась первая книга. А Танька лишь моргала блестящими от восторга глазами, пылала щеками и без умолку твердила, какого замечательного мастера послала нам всем судьба.

Больше привыкший к неминуемой расплате, Альберт довольно долго чувствовал себя неудобно. Но худшие подозрения все не оправдывались, и он постепенно успокоился, приосанился и дозрел до решения на Таньке жениться. Но опоздал: дня за два до этого она его разлюбила.

— Ты подумай, какая досада, — устало рассуждала Танька, забежав ко мне по дороге в больницу (маму в очередной раз положили на обследование). — Всего неделю назад я была бы на седьмом небе от его пред-

ложения! А теперь... Знаешь, он и говорить-то толком не умеет — все «как бы» да «типа», даже неудобно. И лицо у него какое-то свинячье... Ты не замечала?

Другая, совершив подобное открытие, наверное, огорчилась бы. Но не Танька. Она превратила недавнюю влюбленность в целую россыпь анекдотических историй — о себе, оглушенной африканской страстью, о нем, изумленном непрошеным вниманием. Причем о себе она всегда говорила довольно едко, а о «невинной жертве» — по-доброму и даже с нежностью. И от этого слушать ее было еще смешнее.

Стоит ли удивляться, что не слишком преуспевший в науке любви (равно как и во всякой другой) Альберт так ничего и не понял и навсегда остался поблизости — в роли не то незадачливого Танькиного слуги, не то бывшего мужа? Таких добровольных слуг возле нее всегда было немало — из прежних возлюбленных, несостоявшихся друзей и подруг, которых она когда-то одарила своим ослепительным восхищением. Пожалуй, и себя я бы могла отнести к этой категории. Впрочем, рядом с Танькой не особенно хотелось размышлять. На каждого персонажа из своего окружения она могла в любой момент обрушить свои нескончаемые проблемы, что и делала довольно регулярно. И мы начинали эти проблемы изо всех сил решать. А в ответ приносили ей свои беды, на преодоление которых она бросалась со всей шумливой энергией. Правда, у нас постепенно складывались семьи, нормальный быт, а Танька так и остава-

лась неприкаянной, восторженной и счастливой. Воздух вокруг нее звенел и вибрировал от любви. Отказаться от роскоши находиться рядом было невозможно.

3

Отец мой умер совсем молодым человеком, и его друзья взяли своего рода шефство над обезумевшей от горя мамой, а заодно и надо мной. Теперь, когда и мамы уже нет, их круг заметно поредел. Но с пожилым профессором Николаем Ивановичем у нас за эти годы сложились особые отношения. Я стала ему вроде родственницы: интересовалась здоровьем, планами, работой, отношениями с коллегами. Он принимал мое внимание с благодарностью — семей за долгую жизнь у него сменилось немало, но душевной близости не сохранилось ни с кем, кроме меня — ни с бывшими женами, ни с детьми.

И вдруг выясняется, что Танька влюбилась именно в моего семидесятилетнего Николая Ивановича! Более того, что и он сам совершенно потерял от нее голову!

— Как вы думаете, — советовался утративший рассудок профессор, — я должен сразу сделать ей предложение или сначала пригласить в какую-нибудь поездку? Скажем, на теплоходе вокруг Европы? Или это будет нескромно?

«Это будет для вас смертельно!» — чуть не выкрикнула я. Но не выкрикнула. Какое, в конце концов, я имею право лишать людей радости? Даже если она вредна для их здоровья?

В общем, я избрала иной путь: просто отдалилась от Таньки и Николая Ивановича. Тем более что это было несложно: после круиза вокруг Европы они отправились в свадебное путешествие на остров Бали.

– Ты не поверишь! – кричала мне Танька по телефону накануне этой поездки. – Он хочет детей! Но мне кажется, я уже слишком стара. А он – совсем как ребенок, честное слово!

Я сделала вид, что у меня сломался телефон.

4

Через год Гриша принес радостную весть: Николай Иванович совершил какое-то важное открытие в своей научной области и переселился с молодой женой, ее мамой и дочкой в Нью-Йорк. Гриша тоже почему-то к ним собирался – ему там нашли неплохую работу (видимо, как несостоявшемуся возлюбленному).

А еще через полгода Николай Иванович сам позвонил мне и неузнаваемо механическим голосом сообщил, что Танька умерла. Внезапно, во сне. И тогда я поняла, что полного и абсолютного счастья на свете больше не существует.

Памятник культуры

Я прихожу к нему, когда иссякают силы, терпение и надежда. Хотя точно знаю, что он не даст мне ни того, ни другого, ни третьего. Он вообще никогда и никому ничего не дает. Зато берет с охотой и не в меру: если удастся — деньги, но чаще — настроение, мысли, чувства. Есть такая форма существования белковой материи: человек берущий. Если угодно, в нем можно увидеть воплощение мужского начала. Мне не угодно. Я вообще имею факты, доказывающие, что этого типа не существует в природе.

Впрочем, для галлюцинации он слишком материален. Цепко, словно намереваясь посостязаться в армрестлинге, хватает мою вяло уворачивающуюся руку своей, крючковатой и влажной.

— Сколько лет, сколько зим! Жаль, что выпить... У тебя нет? И у меня не осталось.

Он обитает в маленьком, до невозможности грязном кабинете, по самый потолок заваленном пожухлыми рукописями. Зазеленевшая вода в графине, блюдце с раздавленным окурком, почти насквозь просиженное кресло... Лишь виднеющийся за окном пластичный омоневец из охраны соседнего казино напоминает о том, что я — уже не тот юнец, который явился сюда четверть века назад, в единственном приличном костюме и с полной душой еще не загаженных идеалов.

Тем временем визави мой, кажется, оживился не на шутку. Вскочил, нервно ходит из угла в угол (два шага туда — два обратно), потирает руки, обильно дымит чуть ли не «Беломором».

— Как, говорю, дела? — спрашивает.

— Хреново. А то разве пришел бы? — огрызаюсь, пролезая к креслу (оно еще с тех пор стоит максимально неудобно для сидения: угол шкафа — под локтем, угол тумбочки — перед коленом).

Он в ответ раздражается одобрительным смехом, переходящим в каркающий кашель:

— Ну да, мы, интеллигенция, теперь сам знаешь, где. Я вот тоже сiju среди этого графоманья — и чего им всем от меня нужно? Ты сейчас как, женат?

— По-разному.

— Я тоже. Нинка ну до того надоела! У нас с тобой, как всегда, все одинаково. Я это сразу заметил, с тех пор, как познакомились, помнишь? Да все ты помнишь, ты же свой человек!

Никогда, ни разу в жизни он не сделал мне ничего хорошего. Но это бы еще ничего, — он никогда не упускал возможности сделать какую-нибудь гадость. Я не в претензии за то, что, когда я принес свои первые стишки, он восхищенно поцокал языком, а едва я вышел, выбросил их в мусорную корзину. Не в обиде, что он написал какую-то особенно яростную, на уровне базарной брани, рецензию на мою первую книжку. В конце концов, когда неожиданно для всех, а особенно

для меня, эта книжка получила престижную иностранную премию, он первый меня с нею поздравил. И предложил принести что-нибудь в их журнал. Но я, униженный и оскорбленный, отказался. И никогда ничего в его журнал не давал. И не дружил с ним никогда. И на противные его сплетни, передаваемые мне знакомыми, упорно не реагировал. И общего у нас ничего нет. Так на тебе: свой человек!

— Дай я тебе расскажу! — он уже трясет меня за плечо. — Живу я не на пенсию и не на зарплату, на это не проживешь. Я беру с графоманов деньги за публикацию. То есть редакция само собой берет, официально, а я — отдельно. Предварительно. Представляешь, и они платят! Хотя их и так бы опубликовали, за официальный взнос! Я это называю налогом на глупость. За это бы выпить...

Откровенно говоря, при каждой нашей встрече наступает момент, когда я всерьез задумываюсь, не придушить ли его. Мне почему-то кажется, что это будет легко. И каждый раз его спасает одна и та же случайность: осторожно, как в метро, двери открываются, и в комнату входит какой-нибудь уж совсем фантастический персонаж. Сегодня это оказался длинноволосый юноша с застывшей гримасой невостребованной добродетели на лице. Этакая помесь Добролюбова с д'Артаньяном. И, конечно, при портфеле. В котором я, как ученая собака — присутствие наркотиков, отчетливо чую запах рукописи.

– Ну что, принес? – посуровев, спрашивает хозяин кабинета.

Молодой человек жестом иллюзиониста вынимает из портфеля бутылку водки. За этим следует короткая сосредоточенная возня, в результате которой на столе, в проплевшине между бумагами, возникают три стакана и почему-то лимон.

После первого стакана становится ясно, что без чтения рукописи не обойтись.

– А, ладно, доставай, я посмотрю, – милостиво произносит хозяин кабинета.

Господи, неужели и я вот так же угодливо рылся в портфеле, так же дрожали мои руки и пылали прыщи? Да, конечно, да. Ну и пусть. Будем считать, что именно за это сегодня такая тоска на душе и в теле. И я пригубляю второй стакан забытой уже дряни.

Но старый мой знакомец неутомим.

– Какая галиматья! – почти восхищенно грохочет он. И, адресуясь ко мне: – Ты только послушай!

Нет, увольте, никаких стихов! Я жестом останавливаю слово прямо на лету. И малодушно говорю:

– Лучше глазами. Я на слух хуже...

– На, передай мэтру, что он скажет. Это я его, между прочим, открыл. Он тоже когда-то пришел вот так, совсем мальчиком...

Добролюбов-Д’Артаньян ревниво следит за каждым моим движением. Беру рукопись с твердым намерением не читать. И тут... Господи помилуй! То, что она напе-

чатана на машинке в век всеобщей компьютеризации, меня не удивляет — откуда у этого чокнутого компьютер. Но откуда у него *такая, та самая* машинка? Высокие, немного пижонские буквы довольно глубоко тонут в податливой бумаге, отчего листы особенно, пьяняще шуршат. Через дедов «Ундервуд» прошли все самые любимые, самые первые мои стихи и рассказы. Вот так же вылетал кружочек из буквы «о», оставляя ровную дырочку. Так же насквозь пробивались иные точки и запятые. От одного вида этой машинки у меня еще недавно кружилась голова и побаливало сердце...

Ну мог ли я сказать ему что-нибудь неодобрительное? Умиленно пробормотал несколько дежурных фраз, с интересом наблюдая, как на лице молодого человека появляется, а потом закрепляется выражение фанатичной, собачьей преданности. Пожалуй, теперь он мог бы, чего доброго, пойти за меня на смерть.

— Ну ладно, ладно, — гостеприимный хозяин довольно бесцеремонно выталкивает Добролюбова из комнаты. — У нас тут серьезный разговор, ты приходи в другой раз. Часов в восемь.

И, водрузившись на место, прикрывает глаза, смачно прокашливается, лоснящееся лицо выражает полное довольство. Стыдно сказать, но и со мной происходит нечто похожее.

Через какое-то время выясняется, что мы, оказывается, не одни — посреди комнаты послушно стоит и ждет некое флегматичное существо. Немытые патлы, круглая

некрасивая физиономия, мешковатые штаны... С раздражением понимаю, что не в состоянии определить его пол. Что это, старость? В моей юности гневные бабули тоже не могли угадать половую принадлежность очаровательной джинсовой хипни. Может, на обувь посмотреть, это иногда помогает...

Приподнимаюсь в кресле, смотрю на обувь, не помогает – это оказываются кроссовки. Курьер (существо, как выяснилось, курьер, что тоже ничего не дает) вслед за мной внимательно и, кажется, с гордостью их разглядывает. Потом переводит водянистые глаза на меня и говорит ничего не проясняющим, промежуточным голосом:

– А я вас помню. Когда мы в Литинституте учились, вы к нам приезжали выступать. К нам многие приезжали, а вас мы почему-то запомнили.

– Да его все знают, он же знаменитость! – очнувшись, гремит хозяин кабинета, забирая у курьера принесенные конверты.

– Это Женя, – почему-то с нажимом говорит он, когда дверь за существом закрывается. И я без огорчения понимаю, что мне не судьба узнать, юноша это был или девушка. Да и неохота. И зачем я так напился?.. Равнодушно, вполглаза наблюдаю, как мой визави убирается у себя на столе: пустую бутылку на пол, лимон и стаканы в шкаф, рукопись Д'Артаньяна в корзину, нераспечатанные конверты на подоконник...

– Слушай, денег у тебя займы не будет? – спрашивает на всякий случай.

– Не дам я тебе денег, – отвечаю, стараясь не расплескать ровное тепло, блаженно разлившееся по всему телу.

Он не обижается, от меня можно взять другое – мою, так сказать, широкую известность в узких кругах. И невзначай брякнуть какому-нибудь курьеру: «Он же знаменитость! Между прочим, тоже мой ученик». А это стоит мятого полтинника.

И тут появляется она. Ошибки быть не может. Она уникальна и невероятна. Томительный ее образ нельзя забыть. Знаете этих неожиданно созревших, стыдливых, толстых старшеклассниц конца семидесятых? Никакой косметики, никаких колец и сережек – только румянец во всю щеку и глупый, прямой взгляд. А из-под подола суровой коричневой юбки виднеются круглые колени, обтянутые плотным эластиком. Туфли на «школьном» каблуке немного повернуты носами внутрь... Ни одна актриса не сумела это воспроизвести – ее невозможно сыграть. Ею можно только быть, года два-три. А теперь таких вообще нет.

Она ничего не говорит, как и положено виденью. Только смотрит на хозяина комнатенки с настойчивой нежностью. И он в ответ расцветает, озаряется веселой похабщиной, машет рукой:

– Да, да, я все помню! Уже иду!

А когда она исчезает, мне:

– Ничего девица? Моя новая пассия.

Прикинув, сколько ему может быть лет, мысленно снимаю шляпу. И одновременно осознаю, что, пожалуй, хватит. Еще год, а может и несколько, я не появлюсь в этом затхлом кабинетике – смогу существовать и там, снаружи.

Знакомый мой меж тем бурно прихорашивается: сморкается, с явной симпатией смотрится в зеркало, проводит пятерней по волосам, маскируя блестящую плешь. И я понимаю, что все мы сдохнем – и я, и ты, и автор с «Ундервудом», и эта девица с ее непристойными коленками, а он – останется. И от этого мне делается хорошо. И я ухожу, окрыленный.

Одни неприятности

Шел по улице одноносый человек. Увидев его, все оборачивались, дети бежали за ним и кричали: «Смотрите, какой урод! Урод!» А он шел все быстрее, но никак не мог скрыться от обидного внимания. Спасло его только появление одноротого человека. Толпа сразу переключилась на одноротого — побежала за ним, закричала: «Урод! Урод!» А одноносый с облегчением вздохнул и благополучно нырнул в подворотню — он спешил в гости к своей одноглазой невесте.

Случайность

Он что-то нес за пазухой. Просто шел и что-то нес за пазухой, бережно, как котенка. Он не выглядел ненормальным или даже просто возбужденным. Поэтому когда он упал и на асфальт потекла красная жидкость, все сначала подумали, что он нес вино или сок — и вот разлил. Лишь через несколько минут кто-то вспомнил хлопок и понял, что это выстрел. Все сразу же закричали, загалдели невыносимо — счастье, что он этого не слышал. Не кричала только ты. Просто приближалась мягким шагом.

Он шел на встречу с тобой. Сказать, что ты можешь делать что угодно. Хочешь — даже выходи замуж за это ничтожество. А он — он не желает этого видеть. И покидает тебя. И все, и все... А получилось так, что события не связались во времени — он не выдержал раньше, чем вы встретились.

Приехали милиционер и доктор. Оказалось, что никакая это не кровь — в самом деле, пакет вишневого сока.

— Ну и слава богу! — заскучили зеваки и начали разбредаться.

Только ты никуда не уходила. Ну и что, что не кровь? Сердце-то все равно остановилось — по сигналу постороннего выхлопа с автострады.

Встреча

В. Н.

Кто бы мог подумать, что этот неподвижный знойный день — с черствым воздухом, визгливым смехом, долевающим с пруда, и единственной радостью — что липа, умница, разрослась с прошлого лета и теперь не пускает в комнату прямое солнце, — так вот, кто бы подумал, что этот палящий день вдруг разрешится такими влажными, душистыми, невыносимо печальными сумерками! С нежнейшим ветерком, намекающим, что уже август, и скоро жара будет вспоминаться с благодарностью. И неожиданным пониманием, что темнеть стало раньше, не как месяц назад.

Николай вывел велосипед и поехал к станции. Еще со школьных лет, когда на дачах одновременно собирались человек десять ровесников, мальчишек и девчонок, этот маршрут сделался как будто единственно возможным. У станции происходили все незапланированные, но тайно желаемые встречи, вся волнующая и долгожданная жизнь. Теперь от этого остался лишь рефлекс — садиться на велосипед и с легким щемлением в груди ехать к станции.

Добравшись, как обычно, быстрее, чем хотелось, Николай за рога вкатил свою верную машину на теплый

перрон и пошел мимо редких уже фигур. Две-три совсем зеленые парочки, старуха с узлами и укрытым тряпкой ведром, очень пьяный мужичок, готовящийся заночевать на скамейке, — все они выглядели сегодня как-то особенно, сладко пасторально.

Впереди он заметил молодую женщину с ребенком и невольно залюбовался. И тут же замедлил шаг. Он узнал ее, хотя не видел, кажется, лет десять. В то лето Николай был бесконечно и безнадежно в нее влюблен. У него просто не оставалось другого выхода — в нее были влюблены все, и, ощутив что-то иное, он просто испортил бы красивую, словно заранее составленную композицию, где каждый персонаж на своем месте, а в центре — она, и это гармонично, грустно и упоительно. Она его не замечала, и он, помнится, страдал ужасно, одна радость, что недолго — кончилось лето, и он так ни разу и не поинтересовался ее дальнейшей судьбой.

Женщина меж тем приближалась, держа за руку мальчика лет, наверное, трех. И уже слышны были ее терпеливые, ласковые слова: «Это лавочка. А это собачка. А это урна, в нее мусор бросают...» Теперь их разделяли каких-нибудь пять шагов. Николай решил не обращаться, дожидаться, когда она сама его назовет в своем перечне. «Это мальчик. Это столб, на нем фонарь горит». Ее безмятежный взгляд заскользил совсем рядом: «Тетя... Велосипед...» (Его велосипед!) И тут, как сквозь сон, он услышал, что она уже называет какие-то следующие предметы —

брошенную газету, чемодан и его владельца, — а его пропустила, точно и не увидела.

Конечно, он не решился ни окликнуть ее, ни даже посмотреть вслед. Прошел по остывающему после знойного дня перрону насквозь, а потом долго брел по песчаной тропинке обратно, вцепившись в велосипедный руль. На душе было беспокойно и светло. Словно все тревоги и все ожидания юности вдруг вернулись. И опять стало казаться, что он еще может быть кому-нибудь нужен — со всеми своими капризами, неуверенностью в себе и, по старой памяти, ревнивым отношением к современной литературе — с тех пор еще, когда сам писал невесть какие, но честные стихи. Позже, уже сделавшись архитектором, Николай часто жалел о прежнем своем, поэтическом состоянии души, считая его безвозвратно утерянным. Но, как теперь выяснилось, он ошибался и в этом.

Попутная песня

(послесловие

Алексея Бархатова)

Надо ли объяснять просвещенному читателю, почему Пушкин определил «Евгения Онегина» как роман, а скажем, вполне поэтическую историю «Метели» написал прозой, не только из-за недостатка стихотворных навыков господина Белкина?

Мы знаем немало убедительных примеров обращения признанного, талантливого и плодовитого поэта к прозе. В том числе и достаточно свежих. Это давно перестало кого-то удивлять... кроме разве что самих авторов, чью робость, впрочем, стоит отнести скорее к ритуальному артистическому кокетству: «Ну правда же, правда ведь моя проза очень отличается от поэзии?.. Здесь я совсем другой (ая)?»

Конечно, напрашивается сравнение цветника и огорода на одной и той же творческой почве. Первое — яркое, изящное и благоуханное — тянет душу ввысь, второе — уверенно и натружено возвращает к земным радостям. Но вот объединяет их одно — вкус. Или он есть, или его нет.

Анна Гедымин — одна из любимых мною поэтесс. А может даже, из любимых мною поэтесс — одна. Ее

поэзия трепещуще проникновенна, искренна и чиста при любом владеющим ей в момент творенья чувственном порыве. Она уже давно отважно и уверенно экспериментирует со строкой, размером, рифмой. Иногда внутри поэтического сборника мелькнет исполненное белым стихом расширенное сравнение или метафора. Или, к примеру, явится такая вот картинка:

Пришла весна.
И крошечные люди
Дождинки обрывают, словно груши,
С еще не пробудившихся ветвей.
И плачу я.
И крошечные люди
Поспешными горячими руками
Кидают слезы в общую корзину,
Еще не зная их соленый вкус.

А то и всего три строки на одном выдохе:

Любви нет.
Живу глухо и посторонне,
Как дождь за стеклом.

В звонкой, размашистой и напевной балладе «Косари» уже воочию чудится, будто поэтическая форма едва сдерживает дрожжевое сюжетное тесто большого рассказа или небольшой повести. Конечно, и в нынешнем

сборнике мы нет-нет да и встречаем и стихи в прозе, и притчу, и этюд. Тут и «лоснящееся» мерцание свечей, и больница, высящаяся «темным, огромным кораблем» перед океаном остального мира («Свет погас»). И даже пыль из рассказа «Центрифуга», которая «стоит в воздухе, просеивая солнце и заставляя светить медленнее, а потому сильнее», — пыль поэтическая. Я уж не говорю об особой атмосфере «Я, чижик, торжественно обещаю...» — милой повести о том, как воспитываются будущие поэтессы.

Надо отдать должное Гедымин и в том, что она старается не прописывать до последнего штриха и не комментировать ситуации, в которых оказываются герои, не закрывать за ними двери, а предлагает читателю самому попробовать войти в пространство повествования, ощутить его на себе, ведь там, где одному холодно, другому может стать жарко. Причем это вовсе не означает скудость деталей и наблюдений. Иногда их точность и характерность даже непреднамеренно выдают истинный пол рассказчика («Памятник культуры»). Мужчине этот ярко и хорошо выписанный главный персонаж открылся бы чуть по-другому, чуть иным и, может быть, менее интересным остался в памяти. Если автора спугнула боязнь перевода в «полк женской прозы», «засадный полк Баб-рока», то напрасно — здесь глагольные окончания ни при чем, и Гедымин это не грозит.

Удивительно емким, будто синопсис романа, выглядит рассказ «Танька», рассказ-судьба. Не каждый проза-

ик избежал бы искушения воспользоваться рекламным советом «Просто долей воды!», но Анна Гедымин и здесь изысканно точна в размере.

Пора успокоить почитателей поэтического дара Анны Гедымин. Явление сей книги — вовсе не знак прощания с рифмой. Просто поэзия — это хозяйская половина дома, территория, где должен царить душевный комфорт и уют, куда если и пускают, то только «своих», где влажные подушки вовсе не ждут посторонних героев, где рождаются дети, которых надо еще подготовить и закалить для выхода в люди, до выхода в прозу.

*Алексей БАРХАТОВ,
прозаик, публицист,
литературовед,
профессор Института
журналистики и литературного
творчества,
лауреат премии имени Горького*

Оглавление

Вторая муза	3
Я, Чижик, торжественно обещаю... ..	7
Глава 1. О том, как полезно иногда начинать новую жизнь	8
Глава 2. О пользе морской похлебки	15
Глава 3. О птицах в нашей жизни	19
Глава 4. О том, как Чижики учились летать	26
Глава 5. О том, как Чижики вызвали северное сияние	33
Глава 6. Письмо Деду Морозу	38
Глава 7. О том, как Чижики чуть не стали милиционерами	43
Глава 8. О том, как все это не кончилось	50
Свет погас	57
Центрифуга	64
Исполнение желаний	71
Танька	77
Памятник культуры	83
Одни неприятности	91
Случайность	92
Встреча	93
Попутная песня	96

Анна Гедымин

Нечаянная проза
Художник Софья Смолина

Иллюстратор Софья Смолина
Фотограф Андрей Тарасов